

*№ 210*  
*Модель. 35.00 / 1923*  
*30*  
*35*  
*Z 103*  
*763*

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА  
СХС. — 120

---

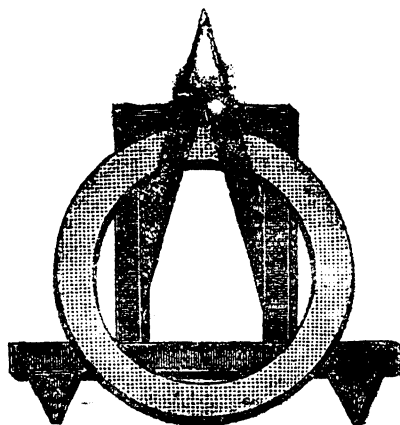
## КРАТКИЙ ОТЧЕТ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

## ОБЩЕСТВА ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ИСКУССТВА

за 1917—1923 годы.

С приложением статей профессора  
Д. В. Айналова и А. И. Лященко.



*35981-1925*



2005347786

Ленинградский Гублит № 9407. Тираж 275 экз.—4 печ. листа.

---

Типография 1-й Ленинградской Трудовой Артели Печатников, Моховая, 40.

## КРАТКИЙ ОТЧЕТ

### о деятельности Общества Древней Письменности и Искусства за 1917 — 1922 годы.

Общество Древней Письменности и Искусства до 1918 г. интенсивно развивало научно-издательскую деятельность, причем его специальной задачей, никем ни в России, ни за границей не повторенной в таком объеме, было воспроизведение в виде факсимиле рукописей, замечательных по своему содержанию или по своей художественной форме.

После 1918 г. издательство Общества вследствие национализации средств прекратилось (Общество убеждено — временно, до улучшения экономического положения Государства). Но так как Общество владеет большим собранием рукописей и специальной библиотекой для работы по вопросам письменности и искусства, так как Общество имеет свой музей памятников древне-русского искусства и вообще русской культуры, а главное, так как в составе Общества находится весьма значительное количество живых научных сил — крупнейших представителей русского исторического знания, — Общество не прекратило своей научной работы, несмотря на то, что помещения Общества долгое время не отапливались, и температура в них доходила до 8° ниже нуля.

За счет сокращения издательской деятельности Общество организовало более частые заседания, где слушались и обсуждались научные доклады, заменив живым обменом ученой мысли прекратившуюся издательскую деятельность, раздвинуло хронологические границы, в пределах которых оно изучало письменность и искусство, уделяя теперь внимание произведениям XVIII и даже нач. XIX века, и вообще расширило круг вопросов, над которыми оно работало ранее. Общество стало уделять значительно более внимания старинной музыке, что несколько не идет в разрез с его прежними задачами (достаточно указать его капитальное издание «Круг знаменного пения» — богатейший источник для изучения русской музыки).

Среди большого количества докладов, сделанных за последние годы на заседаниях Общества, следует отметить некоторые, вызвавшие наибольший обмен мнений.

В. В. Буш. Хожение Трифона Коробейникова (розыскания в области списков) (Собр. Публичн. Библиотеки).

Проф. П. Г. Васенко. а) История Палицына, как литературное явление; б) О редакциях сказания Авраамия Палицына; в) Заметки к статьям о смуте 1613 г.

Т. М. Глаголева. Феофан Прокопович и Антиох Кантемир.

Д. Гордеев. К обследованию миниатюр лицевой грузино-греческой рукописи (Собр. Публичн. Библиотеки).

Проф. А. А. Дмитриевский. Русские коллекционеры рукописей.

В. Г. Дружинин. а) К вопросу о колонизации Олонецкого края поморами в конце XVII в.; б) Палеографические наблюдения над почерком поморского письма по рукописям XVII—XIX вв.

Проф. В. А. Егоров. а) К истории концов Новгорода; б) Верховные вои Владимира.

Н. Н. Зарубин. а) Применение форматного принципа к распределению книг в древне-русских библиотеках и его возникновение; б) Каменная книга.

А. И. Лященко. а) Былина о Дюке Степановиче; б) Летописное сказание о смерти Олега Вещего.

Акад. Н. К. Никольский. К истории русской науки во вторую четверть XIX века.

Акад. В. Н. Перетц. Заметки к тѣсту Слова о полку Игореве.

Проф. М. Д. Приселков. О Лаврентьевской летописи.

С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции русского хронографа.

Проф. К. К. Романов. Вновь открытый памятник древнего Псковского зодчества.

П. К. Симоли. Новый кандидат на титул автора «Оглавления книг, кто их сложил».

Проф. Н. П. Сычев. К истории росписи у Спаса-Преображения в Ковалево близ Новгорода.

Акад. Ф. И. Успенский. а) Трапезунд. Кремль. Северная башня и часть её росписи; б) О греческой рукописи Публичной Библиотеки.

Проф. Н. Ф. Финдейзен. а) О зарождении камерного стиля в русской музыке; б) Табакерка Елизаветинской эпохи—музыкальные иллюстрации.

В. А. Щавинский. Эволюция черных писчих чернил в России.

М. С. Боровкова-Майкова. а) Художники XVI века Болдинского монастыря; б) Болдин-Дорогобужский монастырь в сношениях с правительственными учреждениями (1568—1607).

Общество первое помянуло гениального русского ученого, своего члена акад. А. А. Шахматова. Речи, посвященные его памяти, были произнесены: акад. Н. К. Никольским, акад. С. Ф. Платоновым и проф. А. Е. Пресняковым.

В Обществе состоялось заседание, посвященное памяти почетного его члена проф. И. А. Шляпкина. Доклады о нем сделаны были акад. С. Ф. Платоновым, В. Г. Дружининым, П. А. Горчинским и М. С. Боровковой-Майковой.

В Музее Общества были предприняты и продолжаются работы по классификации его коллекций и по реставрации памятников древней живописи.

Имея в виду, что в настоящее время научная работа не может замыкаться в узко академические рамки, Общество широко открыло двери для семинарских занятий учащихся в высших учебных заведениях и для экскурсий. В последнее же время Общество предприняло пересмотр своих рукописных собраний с целью устроить выставку таких материалов, которые представляют большой интерес для русской художественной графики и для изучения русского народного искусства.

### **Краткие сведения о деятельности Общества за 1923 год.**

В истекшем году (с 1 октября 1923 по 1 октября 1924 г.) Общество начало свою работу с декабря месяца, ввиду происходившей с октября месяца по декабрь перерегистрации Общества и утверждения нового нормального устава.

Ученые заседания шли с декабря по июнь включительно, когда начались летние командировки и в то же время в помещении Общества происходил ремонт. (Внутренняя работа Общества—описание рукописей, каталогизация, проверка склада изданий, выдача и прием рукописей занимающимся продолжались непрерывно).

С декабря по июнь включительно состоялось 18 заседаний, на которых было прочитано 23 доклада. Доклады делали:

В. П. Адрианова-Перетц. К истории народной юмористики XVIII в.: Повесть о куре и лисе.

Проф. В. Н. Бенешевич. Новые данные в истории западного влияния на Русь в XV в.

Проф. П. В. Булычев. К вопросу о происхождении славянской азбуки.

Проф. А. А. Дмитриевский. Замечательная историческая рукопись библиотеки Астраханского Государственного Университета.

Проф. М. Г. Долобко. Замечания о ереси богомилов.

Проф. В. А. Егоров. Языческие храмы на Руси.

В. К. Кнатц. По вопросу о технике древне-русского шитья в связи с предметами шитья ризницы Соловецкого монастыря.

А. И. Лященко. Исторический комментарий к былине о бое Ильи Муромца с сыном.

Е. А. Масальская-Сурина. Ингигерда и Сага Эймунда.

Акад. Н. К. Никольский. а) К вопросу о Корсунском культурном влиянии и б) К вопросу о происхождении Корсунской легенды.

Акад. С. Ф. Платонов. Москва и Европа в XV — XVI в.в.

Ф. И. Покровский. Театр начала XVIII в.

Проф. К. К. Романов. Новгородские формы в Псковском зодчестве XV ст.

П. К. Сimoni. Заставки и заставное письмо (глава из курса технической палеографии).

Проф. Н. Ф. Финдейзен. Петровские канты. Иллюстрированы хором Государственной Академической Певческой капеллы под управлением проф. М. Г. Климова.

С. А. Щеглова. Комедия о Фарсоне.

Кроме того, состоялось особое заседание — прения по докладу акад. Н. К. Никольского «К вопросу о происхождении Корсунской легенды», — в котором приняли участие

профессора А. С. Архангельский, М. Д. Приселков, К. К. Романов, Н. П. Сычев и др.

28 февраля того же года в Обществе состоялось заседание, посвященное памяти В. В. Стасова по случаю исполнившегося 100-летия со дня его рождения. Прочитаны были доклады: Академиком В. Н. Перетц — «В. В. Стасов о русском былевом эпосе», профессором К. К. Романовым — «В. В. Стасов и русское зодчество» и проф. А. А. Васильевым — «В. В. Стасов и русская музыка».

Посещаемость заседаний выражалась в цифрах от 30 человек до 100 и свыше.

За истекший год Общество имело сношения с заграницей по обмену своими изданиями: 1) с Нью-Йоркской Публич. Библиотекой, 2) с Institut des études slaves (Paris) и 3) с Национальным Музеем во Львове.

Обмен изданиями происходил и с русскими государственными учреждениями: Академией Наук, с Киевской Академией, с Всероссийской Публичной Библиотекой имени Ленина, Историческим Музеем, Археографическою Комиссиею и др.

В Музее Общества профессорами Ленинградского Государственного Университета В. В. Майковым, К. К. Романовым и П. Н. Шеффером читались лекции по истории искусства, палеографии и археографии, причем лекции имели показательный характер на основании материалов (памятники древнерусского искусства и письма), имеющих в Музее Общества.

Музей Общества посещался экскурсиями (курсы «Красный Петроград» и др.), причем для дачи объяснений по музею были приглашены специалисты профессора.

Рукописями Общества занимались приезжающие из других городов ученые и профессора местных ВУЗ-ов и ученых учреждений, а также начинающие ученые, подготовляющиеся



к ученой деятельности, причем они широко пользовались специальной библиотекой Общества.

Членами Общества представлен целый ряд ученых исследований, напечатание которых в изданиях Общества Комитетом было признано крайне желательным.

1) Акад. А. А. Шахматов. Начата печатанием и не закончена работа «Сказание о Владимире». Напечатано 10 листов, осталось допечатать от 5 до 6 листов.

2) М. С. Боровкова-Майкова. Описание рукописей, принадлежащих Обществу (свыше 45 листов).

3) М. Д. Приселков. Общерусские летописные своды XV в. (3 — 4 листа).

4) Д. В. Айналов. а) Исследование о миниатюрах Сильвестровского сборника—5 печ. листов. б) Хроника Амартола. Иллюстрации хроники. Описание и исследование — 4 листа. с) Сведения о первом мозаичисте Алимпии—1114 г.—2 печ. листа.

5) Н. П. Лихачев. Византийская эксагия (меры весов для монет) при 7 табл. и 10 мал. клише (клише и таблицы в фотографиях готовы)—7 — 8 листов.

6) В. Н. Бенешевич. *Juris Graeco-Romani selecta paraliromena*—20 — 25 листов.

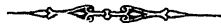
7) А. И. Лященко. а) Этюды о «Слове о полку Игореве» — 1 — 2 листа. б) Отражение русского былинного эпоса в германском эпосе (Илья Муромец)—2 листа.

На 1 октября 1924 г. личный состав Общества составляли: Председатель Общества Академик Н. К. Никольский, Заведывающий Музеем О-ва проф. В. В. Майков, Члены Комитета: Д. И. Абрамович, М. С. Боровкова-Майкова, М. Г. Курдюмов, Н. П. Лихачев, А. В. Преображенский, П. Н. Шеффер. Канцелярия Общества состояла из делопроизводителя Г. И. Демусьяк и служителя при музее и библиотеке Ю. Вашкевич.

В отчетном году Общество было субсидировано Ленинградским Отделением Главнауки в следующем бюджетном порядке:

§ 1 ст. 3	487 р. — к.
§ 4 » 1	20 » — »
§ 4 » 2	50 » — »
§ 8	20 » — »
§ 16	241 » 40 »

Всего Обществом за истекший год было получено 818 р. 40 коп.



## Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке.

История русской миниатюры еще не написана. Материалы для написания такой истории лежат втуне по разным библиотекам и книгохранилищам. Изданный и приведенный в известность за последнее время материал по преимуществу XV — XVI века не освещен, не объяснен и разрознен, а ранние источники этой более поздней миниатюры неизвестны. Кроме Изборника Святослава, Мстиславова евангелия, кодекса Гертруды и псалтырей, материал не расчленен по эпохам и даже плохо известен, так как находится в рукописях, еще неизданных и мало изученных.

Между тем одно собрание рукописей, выставленных на выставке музея Троице-Сергиевой Лавры, может пролить свет на несколько периодов истории русской миниатюры и особенно на раннюю ее историю, начиная с XIII столетия. Эти рукописи еще не приобрели себе места в истории русского искусства, хотя давно известны в истории древней русской литературы. Я опишу вкратце эти драгоценные древнейшие памятники нашего искусства, часто представляющие единственные, нигде не повторенные образцы.

№ 23. *Кондакаръ* (крюковый). Эта небольшая в  $\frac{1}{4}$  долю листа рукопись открывается знаменательной для кондакаря песнопений миниатюрой, къ сожалению, сильно осыпавшейся.

На ней изображены направо палаты с птицей, ходящей по крыше. Слева видна узкая дверь какого-то высокого здания с полукруглым верхом, украшенным висящей вниз материей в изящных складках. Верх здания увенчан фигурным украшением в виде маковки. Посреди, между зданиями, находится киворий с красной завесой, отдернутой вправо. Под киворием изображена жена, склоняющаяся к человеку, лежащему на постели, разостланной на земле. Этот человек в красной одежде, лыс, с небольшой опушающей нижнюю часть лица бородой — есть Иоанн Дамаскин, которому Мадонна исцеляет отсеченную руку.

Исполнение миниатюры отличается знанием пергаменной техники, т. е. краски наложены не прозрачно, а густо, не просвечивая. Женская фигура отличается своим изяществом. Ее малиновая одежда украшена на плечах узором с висящей бахромой. Фигура Иоанна Дамаскина очень длинна и худа. Эти черты стиля, равно как отсутствие нормальной перспективы палат, указывают на время начала XIII века. Мне кажется менее правильным мнение арх. Леонида и Горского, относивших эту рукопись к исходу XII столетия. Показания миниатюры заставляют относить ее к началу XIII столетия, особенно, изображения зданий и крыш и удлиненные чрезмерно пропорции. По исполнению рукопись очень напоминает берлинскую № 66 рукопись евангелия.

2) № 100. Летопись Георгия Амартола (Криница).

Эта замечательная рукопись по достоинству оценена академиком В. М. Истриным и издана Академией Наук. Однако, академическое издание содержит только текст Летописи, а украшающие ее 127 рисунков и до настоящего дня представляют загадку, никем не решенную, но, как оказалось на деле, крайне важную для датировки рукописи, обыкновенно относимой к XIII—XIV столетию, или даже к первой половине XIV (как

относил Н. К. Никольский) <sup>1)</sup>. Об этих рисунках дал сведения в печати впервые Снегирев <sup>2)</sup>, относивший рукопись к XIV столетию. Он отметил, что рисунки числом 126 (а не 127) «довольно искусные». На первой, выходной миниатюре изображен «царь Михаил» и «жена его» по сторонам Христа, сидящего на троне. «Все рисунки», писал он, «вероятно срисованы с греческого подлинника» (стр. 264). На подножии престола и на главе храма он указал существование полустертых надписей мельчайшими буквами (стр. 262). Его поразила, повидимому, одежда указанного им царя Михаила, и на нее он отметил «горностаевый мех». «Краски на сих рисунках сохранили яркость и свежесть так, как и на рисунках Святославова Изборника и других памятников живописи, коими украшены рукописи древние» (стр. 264).

Срезневский также обратил внимание на рисунки и сказал следующее:

«Оборот листа 17 и первая страница л. 18 заняты двумя большими изображениями: на одном в середине лик Спасителя благословляющего со свитком в левой руке, а налево от лика муж в княжеской одежде Михаил, направо жена Оксин(ья); на другом изображении нарисован монах в сиянии, пишущий на хартии — вероятно Георгий летописец». Остальные миниатюры он признал плохими <sup>3)</sup>.

Сравнительно со Снегиревым Срезневский более точно обозначил имена изображенных мужа и жены. Он отметил княжескую одежду Михаила. Повидимому, Оксинью он склонен был считать женой, т. е. супругой Михаила. Арх. Леонид считал их царями, как и все другие <sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Арх. известия и заметки. Год V, № 7—8 (1897), стр. 261.

<sup>2)</sup> Труды и летописи Общ. Истор. и Древн. Российских, учрежд. при И. Моск. Унив. Часть V, кн. 1 (1830), стр. 255.

<sup>3)</sup> Обзорение древних памятников письма и языка, стр. 206.

<sup>4)</sup> Сведения о славянских рукописях... Троице-Сергиевой лавры. Москва, 1887, стр. 16.

Покойный Мансветов посвятил рисункам нашей рукописи особый небольшой реферат на Археолог. С'езде в Тифлисе в 1881 году <sup>1)</sup>, в котором рассматривал некоторые бытовые и строительные формы рисунков в связи с архитектурными формами покрытий русских деревянных церквей и зданий, по преимуществу шатровых покрытий. Его сближения ошибочны, он был мало осведомлен в архитектуре с одной стороны и мало понимал способы и приемы изображения зданий в миниатюре и в живописи, что выяснится дальше. Фигуру Михаила он считал за изображение византийского царя Михаила Метиста, а Оксинью, не взирая на надпись, считал за жену его Евдокию. Самое изображение его в русской рукописи Амартола, он считал, было вызвано тем, что летопись заканчивается его царствованием. Его можно, однако, благодарить за указание на шапочку на голове Михаила, «как у Ярослава на фреске Спасо-Нередицкой церкви по первоначальному рисунку у Прохорова».

Если указать на тот знаменательный факт, что Н. П. Лихачев издал в своем атласе обе выходные миниатюры и четыре миниатюры из текста, то и будет закончен весь круг интересов к миниатюрам этой замечательной рукописи <sup>2)</sup>.

Она, однако, заслуживает самого большого внимания со стороны отечественной науки по многим причинам. Во первых, она представляет единственный дошедший до нас иллюстрированный экземпляр хроники Амартола. Известны хроники— болгарская Манасии, греческая, мадридская Скилицы Куропалата, но есть только одна единственная русская иллюстрированная хроника Георгия Амартола. Текст ее представляет перевод с греческого. Академик Истрин вслед за Срезневским

---

<sup>1)</sup> Труды V Археологич. Съезда в Тифлисе в 1881 году. Москва, 1887, стр. 161 — 169.

<sup>2)</sup> Н. П. Лихачев. Атлас. Материалы для истории русского иконописания, №№ 718, 719, 770—773.

признал в языке хроники не болгарский или сербский прото-оригинал, а славяно-русский язык, а в рукописи, б. м., русский киевский извод.

Во вторых, эта рукопись несет сложное художественное предание в своих рисунках, которые уже Снегирев считал скопированными с греческого. Что это за предание? Кто такие изображены на выходных миниатюрах и на миниатюрах текста? Какое содержание несут иллюстрации, что говорили они в древности русскому читателю? Из какого источника они происходят?

В третьих, если справедлива дата рукописи XIII—XIV век, как стереотипно выражаются теперь все относительно этой рукописи, то ведь это самая черная, мрачная страница русской жизни — это татарское иго. Каково было русское искусство в XIII—XIV столетиях в пору полного ужаса татарского ига? Не несут-ли лицевые украшения этой рукописи ответа на этот вопрос. Немногие памятники иконописи бросают свет на состояние русского искусства в эту эпоху. Это по преимуществу открываемые теперь иконы, вызывающие столько вопросов, сомнений, недоумений. Однако, они не представляют пока достоверный и точный материал, и тем более должны мы благодарить судьбу за сохранение таких памятников, как описанный выше Кондакарь и особенно хроника Амартола, которые вдруг неожиданно освещают эту мрачную эпоху и дают возможность приподнять завесу над нашим художественным прошлым. Если Кондакарь со своей одной миниатюрой, очень искусно выполненной, показывает чисто византийский пергаменный стиль, усвоенный с полным совершенством техники, то какие стороны искусства открывает нам искусство хроники Амартола, в какой области древней Руси оно явилось?

Всемирная хроника Амартола — это история всех земных царств, начиная с сотворения человека. В среду рассказов о

древних правителях, их войнах и деяниях введены легенды о чудесных людях, нравоучительные рассказы, апокрифические легенды. Это типичная средневековая история, основанная столько же на исторических данных, сколько на баснословии, легенде, апокрифе. Несмотря на неполноту текста, приведенного в нашем списке до Юстиниана, все же видно, что выбор картин к тексту также подчеркивает особенности легендарной истории и в некоторых случаях выражает своеобразные интересы времени. Особенно интересны в этом отношении изображения, показывающие круг интересов читателей летописи и свойства их исторического миросозерцания.

Иллюстрации начинаются изображением первозданного Адама, лежащего еще на земле и оживляемого десницей с неба, и жертвы Каина и Авеля. Это начало человечества на земле; затем рисовальщик переходит к изображению знаменитых людей, научивших человечество разным наукам, ремеслам, искусствам, что является средневековым, общим востоку и западу, воззрением на историю человеческой культуры. Изображен Сиф, сидящий перед звездным кругом, научивший людей еврейской грамоте и астрономии; Немврод, скачущий на белом коне и стреляющий оленя из лука, научивший людей охоте и первый волшебник и маг; Крон, первый царь, покоривший людей; сын его Нин. Оба изображены в коронах и в византийском царском наряде. Затем Фур, которому ассирияне поставили столп и идол и обоготворили под именем Арея. Затем убиение развратного Сарданапала; царство Инаха, создавшего город во имя луны (Иоград) и изображенного сидящим с голубым кругом луны в правой руке; царство Кира и пророчество ему Даниила.

Затем идет римская история. Начинается она с некоего мужа Пала, создавшего великий дом и назвавшего его своим именем Палата, вследствие чего царское жилище называется палатой. Ромул и Рем, как цари, сидят у этой палаты. Далее



убийство Рема Ромулом, наконец, Ромул царствует, сделав статую своего брата и посадив рядом с собою на троне; наказание Ромула за убийство брата: люди побивают его камнями на вече, несмотря на то, что в тексте говорится о расчленении его «на уды на вече». Взятие Рима галлами, изгнание и уничтожение их стратигом Малием, причем римские бояре убегают справа. Затем картинки из истории египетского царства—избиение египтян царем Хоосом, рождение Александра Македонского от волхования некоего египтянина, сбросившего царскую одежду и бежавшего к Филиппу Македонскому. Поход Александра М. на Иудею. Он едет на белом коне во главе конницы, его встречают еврейские первосвященники, он внутри иерусалимского храма держит чашу жертвенного приношения, как бы выражая мысль о преклонении язычества пред новым заветом. Царица Кондакия узнает Александра и падает перед ним ниц; посещение Александром М. острова Рахманов (браминов), где люди без одежд живут на цветах, ничего не имея, питаются плодами, обитают по обе стороны реки Гала, а мужья раз в год приплывают к женам на другой берег. Эта картинка отличается особенной тщательностью исполнения. Тела мужчин темнее, тела женщин светлее цветом.

Снова библия. Ной входит в ковчег, сыновья Ноя после столпотворения дают грамоту владения землями и областями своему потомству. Эта грамота в виде длинного развернутого свитка лежит на столе, а потомство окружает ее.

Особенное внимание иллюстратором уделено идолопоклонству. Изображен Фара, первый изобретатель идолов, со статуэткой своего сына Арана. Сожжение идолов Фары Авраамом, гибель Арана, сына Фары, хотевшего спасти идолов; избиение идолов Авраамом палкой с большим круглым наконечником; уход его в Харан; встреча с Мельхиседеком царем Салима, принесшим ему вино и хлебы, эта встреча, так занимавшая

своим идейным смыслом средневековую мысль, что изображения ее известны с IV столетия (мозаики ц. Марии великой в Риме) вплоть до эпохи возрождения. Затем гибель Содома и Гоморры, смерть Ревекки.

История Моисея, изображаемого по очень древней византийской традиции юным, со свитком. Ведение его ангелом в землю обетованную, наказание возроптавших, исцеление прокаженной пророчицы Мариам, смерть Аарона, смерть Моисея на Варимской горе, Иисус Навин, сидящий пред царями Палестины, им завоеванной, и вкладывающий меч в ножны. Затем идут картины деяний Судей. Иуда рубит руки царю Адонизеку; притча об Авимелехе, убитом куском жернова, столь популярная в средние века, упоминаемая в русских древних литературных памятниках и подходившая к характеру русских междуусобий. Авимелех избил свою братию для обладания властью, только один убежал Иафан, рассказавший поучительную притчу об Авимелехе, побуждая наказать его. Притча: «Стали деревья выбирать себе царя, просили смоковницу, маслину, виноградную лозу, рамну». Все отказались, а рамна сказала: если хотите избрать меня царем, то идите и станьте около меня, а если не хотите, то выйдет из меня огонь и сожжет кедры ливанские. Теперь же избирайте Авимелеха царем, а если не выберете, то выйдет из него огонь и сожжет он вас, о мужи сикимские». Это был намек на злое царствование Авимелеха.

Далее Сампсон избивает филистимлян ослиной челюстью, уносит ворота города в присутствии двух воинов, раздирает пасть льву, разрушает храм и дворец, в окне которого видны фигуры царя и царицы. Самуил помазывает Давида на царство; поражение Голиафа, наказание Иерусалима ангелом за грехи Давида, поставление на царство Соломона и особенно замечательное изображение завета Давида Соломону о построе-

нии иерусалимского храма, причем изображен и самый храм в виде ступеньчатого башнеобразного здания, увенчанного маковицей. Разграбление гробницы Соломоновой Ирканою во время пленения Иерусалима Антиохом, окончание храма и великое празднество для народа, что так часто упоминается и изображается по поводу окончания церковью русскими князьями. Построение Соломоном капища Хамосу и Астарте по настоянию жен, похороны Соломона, а рядом две картинки, изображающие притчу о некоем богаче, раздавшем свое имущество по прочтении Соломонова еkkлезиаста. Он оставил себе только два златника, которые он держит в руке, стоя перед храмом, где сидят нищие, которым он роздал все остальное. Богач пожалел о своем имени и захотел возратить его, продав драгоценный камень, случайно купленный им у воров за оставшиеся два златника. На второй картинке он изображен у золотых дел мастера и узнает, что камень похищен от воскрылия одежды Аарона, он в конце концов избит и изгнан, лишившись последнего.

Далее ангел избивает ассириян; пленение Манасии в Ниневию; его связанного ведут в плен; он сидит в заточении, затем успевает достигнуть у царя Родаха приказа ехать в Иерусалим и восстановить богослужение. Деяния Иеремии, скрывшего в тайном месте кивот, жертвенник и светильник, Михея, обличающего Ахава, затем висящие сады Семирамиды, изображенные в виде верхнего этажа здания, где жена Навуходносора гуляет под деревьями, болезнь Навуходносора, живущего среди львов в горах (отличная стильная картинка), сон его, при чем изображен образ идола, дерево с птицами на ветвях и звери у корней его, картинка крайне редкая и напоминающая фантастику востока, византийского двора с его золотыми деревьями и птицами на ветвях, т. е. чудеса Царьграда. Далее Даниил во рву, храм Зоровавеля, изображенный

в виде небольшой однокупольной церкви с маковкой и тремя закомарами, наподобие древне-русской церковки; убегаящий Антиох, падающий с колесницы и умирающий.

Начало римских царств. Здесь первый диктатор Юлий Цезарь, или первый «самовластец». Он сидит со скипетром в руке, в короне и в византийском царском одеянии, впереди него воин; отравление Клавдия его женою, подающей ему чашу с отравой; убийство Иакова Заведеева при Клавдии, борьба ап. Петра с Симоном магом, крайне популярный эпизод, рассказанный в нескольких картинках, поражение Симона мага, распятие Петра, усекновение главы Павлу пред Нероном и, наконец, при Тите совершившееся извержение Везувия: «Везвийская гора в западе расседая, огнем вскыпе толма, яко попалити прилежащую страну с грады». Верх горы Везувия раздвоен, красные, т. е. огненные расселины видны на ее боках. Двое людей, стоя у города, представленного сокращенно в виде высокой башни с бойницами, поднимают руки вверх в знак удивления. Извержение Везувия, как поразительное явление природы, возбуждало к себе большой интерес в тогдашнем мире и разные объяснения вплоть до выписок из «нашего дидаскала Платона», нашли себе место в тексте хроники Амартола и выразились у иллюстратора рукописи в попытке изобразить его.

Далее Траян, благий и любящий правду, передает епарху свой меч со словами нравоучения: «прими оружие се, аще добре владею по мне да будет, аще ли зле, да на мя се будет». Траян сидит в короне, епарх в венце.

Константин великий, дающий свои заветы. Он сидит у палат, в царском орнате, пред ним три человека, слушающие его заветы; призыв еврейских священников «да прятся», картинка в духе тех прений, которые так распространены в поучительной литературе востока и запада; прение с Замбрием

и оживление быка, убитого тайным словом Замбрия; затем прекрасная бытовая картинка — сон Константина великого. Он спит в палатке среди лагеря, в котором видны щиты и копья, поставленные на ночь. Два воина у головы и у ног стерегут его сон, у изголовья его меч и щит. Он в короне спит прикрытый зеленым покрывалом на красном тюфяке.

Затем царица Елена, кормящая монахов, Константин великий, пирующий с отцами никейского собора и самый никейский собор в виде ряда отцев собора.

Юлиан отступник, имя которого стало в древне-русской литературе равносильным Каину и применялось к отверженным людям, как, например, Святополь окаянный, занял место на нескольких картинках. Изображено, как Афанасий Александрийский по крику воронов «кра», «кра» предсказывает близкую смерть Юлиана, так как крик воронов по-ассирийски значит «завтра»; тело его привозят на санях, что представляет русское понимание похоронного обряда, неизвестного в византийском быту; пламень исходит из пещеры, где копают фундаменты для возобновления иерусалимского храма по приказанию Юлиана; погребение Юлиана в Тарсе, причем тело его выпадает на землю из гроба, так как земля извергла его. Александр епископ уходит от Констанция, впавшего в арианскую ересь.

Далее идут нравоучительные для русского князя картины о том, как Феодосий царь отдал на воспитание Арсению сыновей своих Аркадия и Гонория, как Феодосий гневается, видя, что Арсений стоит перед ними в то время, когда они сидят, снимает с них венцы и заставляет поклониться Арсению.

Следует второй константинопольский собор; Амвросий запрещает вход Феодосию в храм за его безумное кровопролитие в Селуни, что было назиданием для русских князей, бравших свои же города на щит в эпоху междуусобий. Затем он изо-

бражен получающим прощение, пролив покаянные слезы, и молится в присутствии Амвросия «ниц на земле лежа».

Далее картинка, изображающая подвиг александрийских монахов, собравшихся в город из своих вертепов и кущей и умоливших епарха, разгневанного уничтожением царских кумиров, т. е. портретных статуй. Крамола Евгения, узурпировавшего трон Валента, молитва Феодосия в виду враждебных двух войск, в монашеском клобуке отшельника Иоанна, приведение Евгения к Феодосию, его казнь.

Этими эпизодами заканчиваются иллюстрации нашей рукописи, неполной и дефектной.

Сложный состав картин не поддается пока научному сопоставлению во всем своем объеме, так как наша рукопись единственный, ставший известным, иллюстрированный образец хроники, несущий многие нигде неизвестные изводы художественной иллюстрации.

Однако, некоторые библейские миниатюры вполне определенно примыкают к известному, уже обнаруженному, материалу, и эти картинки показывают, что греческий протооригинал нашей хроники получил свои иллюстрации тогда, когда уже существовали украшенные картинами многие отделы библии, что картины библии вошли в состав греческого оригинала хроники позднее. Другие отделы картин показывают, что общий состав иллюстраций хроники должен считаться сборным, в определенной мере взятый из разных других источников.

Так библейские картины творения Адама, жертвы Каина и Авеля, наказание возмущившихся Корея и товарищей, Моисея, ведомого Ангелом, смерти Авимелеха, Немврода, на охоте стреляющего оленя <sup>1)</sup>, восходят к иллюстрированным окта-

---

<sup>1)</sup> См. изд. Константинопольского Института. *Сиральский кодекс Восьмивековой*, Ф. И. Успенского, таблицы: XIII (Немврод на охоте, пеший; наказание Корея, Дафана и Авирона, XXVII; Ангел ведет Моисея без спутников, XXXIII; смерть Авимелеха XLIV.

тевхам, каковы Ватиканский 746 — 747, Серальский и другие.

Венская библия, с ее ранней художественной традицией, повидимому, совершенно не отразилась на картинах греческого протооригинала хроники, хотя в ней есть встреча Авраама и Мельхиседека и уход Авраама и Фары в Харан.

Изображение Крона, Нина, восходит к изображениям античных богов в речах Григория Назианзина, особенно в рукописи русского Пантелеймоновской библиотеки извода этих речей <sup>1)</sup>, а поставление Соломона на царство на щите — к подобным же картинкам поставления на царство Давида в Псалтыри № 139 Пар. Нац. Библ. и ее кругу.

Картинки из античной жизни Рима ничего не имеют в себе античного. Они сочинены поздно, т. е., повидимому, в XI веке, когда возникла вся иллюстрация греческого протооригинала. Эти картинки не имеют никакой связи с римской или даже просто вообще с античной художественной традицией как рукопись Виргилия Ват. библиотеки, или иллюстрированная рукопись Гомера Амброзианской библиотеки в Милане. Наоборот, во всех чертах своего замысла и исполнения они обнаруживают византийское художественное понимание. Римские цари одеты в византийские царские одежды, носят византийские короны, а исполнение пейзажа отличается такими же чертами стиля, как и византийская живопись XI—XII веков, так что изображение гор, зданий с обратной перспективой, фигур в рубахах с разрезными полами, все указывает на византийскую стилистику и византийский, а не римский быт. Вооружение воинов, их латынские шлемы, кольчуги и забрала указывают на поздне-латынское, т. е. романское влияние, проникшее в византийскую живопись со времени крестовых походов и

---

<sup>1)</sup> См. Византийские памятники Афона, Виз. Врем. VI, СПб. 1899. 55 — 96.

основания латинской империи. Несомненно также и то, что многие миниатюры получили русскую форму, отпечаток русского быта и жизни. В. М. Истрин отметил в языке нашей рукописи такие выражения и слова, которые указывают на русского переводчика с его руссизмами и специально русско-киевским образом мышления. Он, более чем Срезневский, указал таких особенностей языка, а теперь в исполнении картинок обнаруживается у иллюстратора, или собственно русского копировальщика, такая же склонность к руссизмам, которая стоит рядом с литературной.

Так понимание форм церкви у него не идет далее обыкновенного однокупольного силуэта церкви с тремя закомарами, столь обычного для древней Руси.

Слово «златник» русский миниатюрист понял не как золотая «монета», а как золотой слиток или золотая гривна, известная в его время только на Руси и неизвестная в Византии <sup>1)</sup>, несмотря на то, что в тексте Амартола златник понимается, как монета, т. е. как это слово понимается в X столетии в договорах русских с греками <sup>2)</sup>. В XIV столетии эти золотые гривны упоминаются в имуществе одного русского митрополита в отрывках В. Н. Бенешевича <sup>3)</sup>. Русский рисовальщик XIII столетия дал в руку богача две золотые гривны, имеющие форму продолговатых золотых палочек, находимых в разныхкладах древней Руси.

<sup>1)</sup> А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Петербург, 1921, стр. 6—7. Владимир Василькович Волинский „блюда великая серебряная и кубки золотые и серебряные.. поля на гривны“. Срезневский говорит об общем обыкновении употребления золотых слитков-гривен на Руси, стр. 150.

<sup>2)</sup> „Повеле нечестивый (Юлиан) свой образ написати на златницех“. В. М. Истрин, о. с. 361.

<sup>3)</sup> срѣдѣ срѣдѣ γ. „Это“, говорит Марков, „русские золотые гривны, которые имеют вид слитков в форме золотых палочек“. Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1916, т. XXI, 1, стр. 49 сл. Приношу искреннюю благодарность А. А. Ильину за указание на эти отрывки.



Равным образом, привезение Юлиана мертвого на санях представляет русский похоронный обряд, а не византийский, известный в русском быту до позднего царского московского периода. Этот обряд изображен в Сильвестровском сборнике при похоронах Владимира <sup>1)</sup>.

Есть и некоторые другие черты русского понимания быта со стороны рисовальщика, но о них будет сказано при подробном исследовании всех миниатюр.

В таком виде является перед нами крайне интересный и крайне сложный по своему составу новый памятник русского древнего искусства. Из краткого обзора перечня картинок нашей рукописи можно видеть, как много несут они данных для понимания древне-русского искусства и политических и бытовых условий древней жизни. Ни одна русская иллюстрированная рукопись, за исключением, пожалуй, более позднего Сильвестровского сборника, не дает такой сложной картины средневекового быта и мирозерцания, как хроника Георгия Амартола. Эта рукопись с ее иллюстрациями устанавливает между древней Русью и Византией мост в понимании мировой истории, и нигде более нельзя встретить в таком ярком и многогранном отражении образа средневековой Руси, с ее верованиями, с ее легендами, поучениями, назиданием, чудесами, гаданием, волхвованием, идолами, баснословием о чудесных странах и людях, о диковинах мира и чудесах его, как здесь. Эта рукопись станет одним из самых важных источников познания нашего древнего искусства, его приемов, его техники, связанных с византийским искусством и его особенной средневековой художественной идеологией. И подобно тому, как текст хроники Амартола сквозит сквозь изложение русской начальной летописи, так ее миниатюры проскальзывают в со-

---

<sup>1)</sup> См. Миниатюры сказания о Борисе и Глебе. Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наук, XV (1910), 1 — 120.

держании и исполнении сюжетов древне-русского искусства, в станковой живописи и в украшении книг. В этих миниатюрах отлиты в определенные формы те представления, которые стали ходячими в мышлении средневекового русского человека.

Где и когда возникла наша рукопись.

Все иллюстрации к тексту представляют самостоятельные, небольшие картинки, обведенные довольно широкой красной рамочкой. Они написаны на фоне пергамента. Не все они одновременны и не все одной руки. На страницах 113—14 осталось 8 пустых мест разной величины, доказывающих, что перед копиистом была более ранняя рукопись с рисунками различной величины, для которых в тексте оставлены соответственные места. К концу рукописи некоторые картинки явно выполнены значительно позднее, не имеют рамочек и показывают крайне неумелую руку.

Можно различить две древние манеры исполнения или две руки. Одна манера соединяется с коренастыми плотными фигурами, с толстыми руками, ногами, с полными лицами и грубыми чертами. Другая—с тонкими линиями носа, глаз, с худыми членами тела. Первая манера представляет замечательно умелую византийскую живописную традицию. В ней видны яркие краски, изящная живопись отдельных планов одежд, тел, видна резкая светотень, одним словом, эта манера зрелая византийская, но с некоторыми привнесенными временем, западными латинскими чертами, как-то, кольчуги с полным закрытием подбородка кольчугой. Эти черты вообще свойственны византийскому искусству XII века.

Другая манера, более утонченная отличается тонкостью линий, худобой тел, лиц, узкими тонкими носами. В ней нет той яркости красок, как в первой манере, а в некоторых лицах сквозит чрезвычайно древний тип живописной манеры IX—X столетий. Обе большие выходные миниатюры выполнены

в первой манере. Эти красивые, очень стильные и великолепно выполненные картины являются шедеврами древней русской живописи, которым равные могут представить только портретная миниатюра Изборника Святослава 1073 года или миниатюры кодекса Гертруды с изображением русских князей. Эти миниатюры поражают своим художественным исполнением, своим содержанием и исторической важностью.

Так миниатюра с изображением Георгия Амартола несомненно представляет копию с древнего греческого оригинала. Тонко написанное худое, но умное, бледное лицо с большой бородой монаха Георгия имеет нимб. Он сидит на низком красном табурете под аркадами трехчастной арки. По сторонам видны два сооружения, из которых правое имеет купол. Посредине находится киворий. Любопытно, что Георгий держит не книгу, а длинный лист пергамента и пишет на нем начальные слова своего летописания. Присутствие этого длинного листа пергамента неукоснительно показывает, что картина была задумана для украшения свитка, а не книги, так как свитки склеивались из такого рода длинных листов пергамента.

Это обстоятельство в свою очередь доказывает, что русская картинка задумана не русским мастером, а скопирована с более раннего оригинала, что вообще доказывается и всем изобретением этой выходной миниатюры. Остается только удивляться уменью и мастерству русского копировальщика, усвоившего византийскую пергаменную технику живописи.

Это свое мастерство рисовальщик показал на первой миниатюре, представляющей выходную ктиторскую, т. е. посвященную заказчикам рукописи. В исполнении подобных миниатюр мастер стоял в традиции византийских посвященных изображений, о которых говорят нам византийские писатели и примеры которых известны в миниатюрной живописи кодексов и свитков. Эта традиция определила замысел выходной

ститорской миниатюры, но возможно, что у мастера не было пред глазами образца, а было большое знание своего дела и приемов изображения подобных выходных миниатюр. Так как миниатюра имеет отношение к русской жизни и истории, изображает русских заказчиков, то и понятно, почему мастер оставил на своей работе свое имя. Он здесь являлся самостоятельным мастером в условиях тогдашней художественной византийской традиции и выучки. На этой миниатюре, как бы в соответствие с архитектурикой миниатюры с монахом Георгием, развернута трехарочная колоннада какого-то храма с тремя верхами. Под средним большим пролетом арки сидит на престоле Христос с открытым евангелием и надписью: Рече господь: «Аз есмь свет всему миру, ходяй по мне не имат ходити во тьме и тьма его не объят». В молении к нему изображены две фигуры, над которыми видны еще ясные надписи: Михаил, Оксиния. Нет надобности опровергать приведенное ранее мнение Мансветова о том, что здесь изображен византийский царь Метист, его жена Евдокия. Надпись называет женскую фигуру не Евдокией, а Оксиньей, Михаил не имеет никаких титулов византийского царя, которые необходимо были бы, если бы это был византийский император. Но одеяние Михаила, которое уже Срезневский назвал княжеским, решает дело в пользу русского князя заказчика. Действительно, Михаил одет в зеленый длинный кафтан с коричневой широкой полосой по подолу, украшенной жемчужным набором шитья. На плечи его наброшен красный плащ или корзно с горностаевым меховым воротником с хвостиками. Корзно изнутри подбито также мехом. На голове у него небольшая плоская шапочка зеленого цвета. На голове нет волос. На ногах высокие черные сапоги. Лицо с черными большими глазами, яркими красными губами, прямым носом, опущенными вниз усами и небольшой черной бородой, опушающей подбородок. Он стоит в три

четверти к престолу с воздетыми как в молении или деисусе руками ко Христу. Художник поместил его справа от Христа в боковой аркаде храма, завеса которой отдернута и завязана узлом через колонну. Слева от престола стоит женщина Оксинья с нимбом вокруг головы. Лицо ее стерто, нимб тоже, от которого остались только следы контура. Она в белом головном покрове, окутывающем голову до плеч. Ее мантия коричневого цвета от плеч до ступней падает ровными складками и лишена всяческих украшений, так как это монашеская одежда. Из-под этой верхней одежды видна полоса желтой нижней одежды. Она также стоит в молении, в отдельном арочном пролете между колонн, но над ее головой нет завесы, как у Михаила. Кто эти Михаил и Оксинья, и где они присутствуют, где молятся Христу, в каком храме и по какому поводу? Миниатюра сама дает разгадку этим вопросам.

Есть много Михайлов в русской древней истории, но только единственный раз соединяется это имя с именем Оксиньи в Твери, в тверском княжестве в эпоху соперничества его с Москвой. Оксинья, мать князя Михаила и его соправительница в молодом возрасте, упоминается в летописях при очень важных обстоятельствах.

В 1285 году сказано в Тверской летописи: «Заложина церковь каменну святого Спаса на Твери благоверным князем Михаилом Ярославичем и матерю его благоверною великою княгинею Оксиньею Ярославлею Ярославича и епископом Симеоном» (Тверск. л. 406). Ему было тогда 15 лет (Борзакровский, 87). 1289 г.: «Михайло Ярославич Тверской внук Ярославль, с матерью своею великою княгинею Оксиньею послалша игумена Андрея монастыря общего пречистые богородицы в Киев к Михайлу митрополиту Киевскому и всея Руси и поставлен бысть в епископы во Тверь».

«В лето 1290 свершена бысть церковь святого Спаса на

Твери благоверным великим князем Михаилом Ярославичем и матерю его благоверной великой княгиней Ярославлею Ярославича». В 1294 году Михаил женился на Анне Дмитриевне Ростовской, ему было тогда 24 — 25 лет.

На выходной миниатюре изображены Михаил и Оксинья, т. е. тверской князь Михаил с матерью своей Оксиньей в молитвенном предстоянии пред Христом. Естественно, что миниатюра изображает деяние подобное заложению храма, посольству игумена Андрея в Киев, окончанию храма, т. е. иначе говоря мы имеем новый факт—заказ и исполнение рукописи хроники Амартола Михаилом и матерью его Оксиньей. Несомненно, что Михаил здесь изображен до женитьбы, т. е. до 1294 года, так как иначе на миниатюре мы видели бы изображение не матери его, а великой княгини Анны, его жены. Портретные черты князя Михаила говорят за то, что изображен молодой человек, а не средовек и не старик. Рукопись несомненно была заказана и выполнена при жизни матери Михаила Оксиньи, так как если бы Оксинья была здесь изображена после смерти, т. е. после 1312 года, то вместо надписи Оксинья была бы надпись Мария, имя принятое ею в пострижении: «В лето 6821 (1312) преставися княгиня великая Ярославля Аесинья, а в пострижении Мария». Ее одежда указывает на то, что она имела иноческий чин по смерти своего мужа: «Преставися великая княгиня Ярославля Ярославича Оксинья в иноческом чину и в схиме...»

Написание Оксинья, таким образом указывает, что рукопись выполнена ранее смерти Оксиньи, при ее жизни, ранее женитьбы Михаила, когда Оксинья носила иноческий чин, но еще не была пострижена перед смертью...

Таким образом, я думаю, что рукопись возникла в Твери ранее 1294 года, по почину Оксиньи и молодого сына ее Михаила. В летописях есть еще побочные указания на то,

что такая рукопись могла возникнуть в Твери при образованном княжеском дворе Оксиньи и Михаила: Вот как характеризует обоих Тверская летопись»: «...князь великий Михайло Ярославич внуку в. князя Ярослава Всеволодовича, бяше телом преболий человек, креплей, сановит вельми и смыслен паче мнзех; взором и грозен и преудивлен,... страшен быв ратным... Бяше же издетска боголюбив, смирен зело, в сладость послушая божественных книг по вся дни и нощи, любяй правду... воздржася от похоти пьянства, тем и любим бе материю своею Оксиньею, бяше бо слушаая во всем матери своея». Тверск. л. 6827; 412 — 13 слл. Эти отношения матери и сына проявились и на миниатюре, равно как проявилась общая их любовь к книжному почитанию.

С другой стороны Михаил и Оксинья являются в обстановке такого рода, которая с первого взгляда непонятна. Они предстоят в молении ко Христу, т. е. представляют композицию деисуса, но среди какого-то храма с завесой. Этот идеальный храм, в котором сидит на троне сам Христос, есть Сион, или новый Иерусалим, описанный Оригеном, Евсевием и другими. Здесь поместил мастер Михаила и Оксинью, умоляющих о царствии небесном за свой подвиг—исполнения назидательного творения Иакова монаха. Мастер был вполне ознакомлен с верованиями своего времени и поместил обоих в месте «скровне», за завесой. Эта завеса упоминается в видениях небесного Иерусалима и вторично изображена, сколько я знаю, в Сильвестровском сборнике, в миниатюре, представляющей Авраама, видящего рай, в виде арки с завесой, где сидит судия <sup>1)</sup>.

Как автор этой выходной ктиторской миниатюры, рисовальщик осмелился подписать свое имя на подножии трона: «многогрешный раб божий Прокопий писал» (?) <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Изд. Общ. Люб. Др. Письм. Откровение Авраама.

<sup>2)</sup> Я читаю так эту надпись вопреки чтению о. Леониды, который

Стильность этой миниатюры, ее замечательно строгое исполнение, ничего общего не имеющее с искусством XIV века, дышат жизнью искусства XII—XIII века. Лишь волнующиеся беспокойные складки одежд Христа нарушают эту строгую стильность, дают нечто новое и говорят о том новом оживлении искусства, которое несет с собою приближающееся XIV столетие.

Кто был этот мастер Прокопий, я узнать до сих пор не мог, но его искусство киевское, принадлежащее русско-византийской школе до монгольского периода. Только в Киеве мы знаем школу мастеров XII века, из которой вышел знаменитый мозаичист и иконописец Алимпий, там, в древнейшем составе форм русско-византийского искусства можно указать черты искусства Прокопия. Строгий стиль его живописной манеры с правильными овалами лиц, великолепной техникой и довольно правильной анатомией фигур с их маленькими руками и пальцами, при хорошем развитии тела, несколько узкого и удлиненного, все эти черты восходят ко второй киевской манере живописи, известной в мозаиках Златоверхо-Михайловского монастыря и принесенной в Киев в конце XI века из Царьграда. Повидимому, в Киеве, или в связи с Киевом, получило начало искусство Прокопия. Сношения Твери с Киевом были непрестанны и не ограничивались одним посольством упомянутого Андрея в Киев Оксией и Михаилом в 1289 г., т. е. ранее написания и украшения самой рукописи. Кроме того, известны приход митрополита Кирилла из Киева в Суз-

---

прочел: „многрешный раб божий пресвитер Григорий“, что, по его мнению, указывало на Григория, написавшего хронику Иоанна Малалы, т. е. болгарина пресвитера Григория. Чтение „прозвитер“ невозможно потому, что лигатура О-н препятствует принять н за з (она встречается на окладе 1392 Василия Дмитриевича Кошки), а написание совершенно ясно читаемое ПНН нельзя читать за ВНТ. Написание Прокопий, по моему, не должно вызывать сомнений.



дальскую землю, приведшего с собой архимандрита Печерского монастыря Серапиона, поставленного во Владимире и Суздале во епископы. С такими людьми могли приходиться на север «от утеснения татарского» художники, разбежавшиеся из Киева на Волынь, на север и даже в татарскую орду.

Акад. В. М. Истрин предположил, что первоначальный перевод хроники Амартола возник, именно, в Киеве. Он полагает, что греческий текст был принесен вместе с другими книгами в Киев при Ярославе, здесь при нем был переведен на русский язык и положен в библиотеку ц. св. Софии. Ничего нет вероятнее этого предположения, оно остается гипотетическим только потому, что нет прямых указаний на такое происхождение нашего извода хроники. Однако, при обсуждении литературных особенностей его должно принять во внимание и важное свидетельство миниатюр, заставляющих относить эту замечательную рукопись ко времени несколько более раннему, чем 1294 год, а в искусстве их увидеть отражение киевского домонгольского искусства, стоящего в близких связях с византийским цареградским.

Это искусство, отразившее в тверской области русско-византийский домонгольский, собственно, киевский стиль, запечатлело, однако, и новую тогда действительность русской жизни. Князь Михаил носит зеленую татарскую шапочку. Но это единственная пока черта влияния татар, во всем остальном живопись рукописи строго держится форм византийского художественного предания.

#### № 15. Мерило праведное.

Эта замечательная рукопись также давно известна, и многие статьи, в нее входящие, были предметом исследований, но одна выходящая миниатюра ее еще не обратила на себя внимания исследователей. Эта рукопись имеет какую-то таинственную связь с Тверью, так как в ней помещена известная статья о

князе и неправедном тиуне, связанная с именами тверского епископа Симеона и Константина Безрукого князя Полоцкого, под заглавием: «Симеона епископа Тферского наказание» <sup>1)</sup>). На выходном листе под надписью, рисующей достоинства праведного судьи, изображен орнаментальный круг с шестиконечным крестом поверх него и надписью ИС. ХС. Внутри круга сидит праведный судья, атрибуты которого можно понять только в связи с надписью, гласящей:

«Который праведный судья по достоинству смотря, аки от степени на степень, от разума на разум и от силы в силу. Смерть и живот в руже языка».

Праведный судья сидит на престоле в красном одеянии без плаща, как бы в кафтане. Осыпавшиеся краски не позволяют видеть его лица, но оно обрамлено длинными, раздвоенными на лбу, падающими на плечи волосами, каштанового цвета, и с бородой. Это тип Христа, но нимб судьи без перекрестья, странность, которая не согласуется с надписью ИС. ХС. у креста. И крест, и надпись, и тип головы праведного судьи указывают на то, что подразумевается Христос, но отсутствие крестчатого обозначения в его нимбе показывает, что у художника была иная мысль. Его изображение представляет аллегория. Судья простирает обе руки вправо и влево, держа в каждой руке закрытый островерхой крышкой сосуд, или упоминаемые в надписи чаши живота и смерти. И та, и другая чаша хорошо известны в современных понятиях о жизни и смерти, чтобы стоило останавливаться на значении этих выражений. Я уже имел случай печатно указать на значение выражения «пить чашу», «кто его чашу пил» в летописном языке и в быту князей. Это была чаша застольная, обозначавшая известного рода

---

<sup>1)</sup> См. В. С. Борзаковского, История Тверского княжества. С.-П. 1876, стр. 205, 6, и прим. 982.

питание, даваемое князем своему кормленнику. Чаша смерти, известная еще в евангельском тексте, часто изображается в псалтырях и синодиках, когда является смерть и дает испить свою чашу умирающему. В сказании о Мамаевом побоище Дмитрий Донской несколько раз говорит: «утро бо имам вси пити общую чашу». Указывая на убитого инока Пересвета говорит: «Видите, братья, начальника, той бо победи подобна себе, от того было многим пити горькую чашу»<sup>1)</sup> и др.

Не менее любопытно, что и в XIV столетии символ «чаши» живота и смерти был во всеобщем употреблении. На это указывает рассказ о смерти Михаила Тверского (Ярославича) в Орде при хане Озбьяке. Подробность убийства князя, внесенная в Патриаршую летопись, повидимому, из устных рассказов очевидцев, дышит правдой:

«И се некто Иванец взем за уши, бияше главою о землю, глаголя к нему сице: скоклив еси и поспешен, твори елико хочещи; та-же един от них прииде именем Романец, имый нож велий и удари в десную страну и паки обратив нож семо и овамо и изнизав, глаголя: «дерз еси, пий чашу добрую»<sup>2)</sup>.

Михаил Тверской был судим два раза Азбьяком и по настоянию Кавкадыя был приговорен им к смертной казни. Так как это был царский приговор, то он не мог быть плохим по понятию Романца, и он назвал смертную казнь «чашей доброй», т. е. достойной, исходившей от судии царя.

Другие рукописи я опишу в другое время.

Д. Айналов.



1) С. К. Шамбинго. Сказание о Мамаевом побоище, стр. 37, 41, 48.

2) Патриаршая лет., стр. 186—7.

## Былины о бое Ильи Муромца с сыном.

### I.

Описание боя Ильи Муромца с сыном мы находим более чем в сорока пересказах русских былин. Этот эпизод, отличающийся любопытными деталями, привлекал к себе внимание ученых.

Ор. Ф. Миллер посвятил ему обширное исследование в первых главах своей книги «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса—Илья Муромец и богатырство Киевское» (СПБ. 1869, стр. 1—187); он привел для сравнения с русской былиной параллели из литератур западно-европейских и иранской, с особенной подробностью анализируя изводы, оканчивающиеся трагической развязкой. По его мнению, эта трагическая развязка является основной, первоначальной.

А. Н. Веселовский разделяет былины о бое Ильи с сыном на три группы: в первой—встреча и бой происходят на богатырской заставе; вторая группа былин начинается выездом Ильи вместе с Добрынею; в третьей—молодой богатырь (татарин) является под Киевом, вызывает себе поединщика. Исследователь устанавливает схему, общую для эпосов русского и германского. Вторая группа выделяется, как представляющая древнейший тип былины; в древнейшем ее оригинале отсутствовало приурочение к Киеву, бой совершался

в одну из поездок Ильи. Мать «Бориса-королевича» А. Н. Веселовский считает «королевой» («Южно-русские былины», III—IX. СПб. 1884).

Вс. Ф. Миллер выдвинул значение восточных народных сказаний в процессе составления и развития наших былин и сравнил (вслед за В. В. Стасовым и Ор. Ф. Миллером) нашу былинку с персидскою поэмою Фирдоуси о Рустеме и Сохрабе и иранскими народными сказаниями. В результате этого сравнения получается вывод, что на личность Ильи Муромца наслоились черты Рустема. Исследователь полагает, что западно-европейские изводы представляют гораздо менее сходства в деталях с иранскими сказаниями, нежели русские пересказы былин. Возражая А. Н. Веселовскому, он считает его деление нашей былины искусственным. По его мнению, «основная схема сюжета боя Ильи с сыном открывалась богатырской заставой, на которой стоял Илья с другими богатырями».

Отметив девять пунктов совпадений в деталях русской былины и иранских сказаний, Миллер считает наиболее вероятным предположение, что на русскую обработку рассматриваемого сюжета повлияли восточные рассказы. Пересказ, который лег в основание русских былинных переделок, проник в наш эпос с востока через южно-русские степи, вероятно, через тюркскую среду при посредстве половцев (Вс. Миллер. «Экскурсы в область русского народного эпоса». М. 1892, стр. 135—151).

Оценку «Экскурсов» В. Ф. Миллера дал Н. П. Дашкевич (см. «Отчет о XXXVI присуждении наград гр. Уварова. СПб. 1895, и отд. оттиск), которому сближения былин о бое Ильи Муромца с иранским эпосом и его откликами кажутся не вполне убедительными.

В «Обзоре трудов В. Ф. Миллера по народной словесности» А. В. Марков признает, что Миллер ошибался, устанавливая

зависимость от Рустемиады русских былин об Илье. Но, с другой стороны, по его мнению, основной тип нашей быliny Миллер определяет удачнее Веселовского, когда утверждает, что в нем рассказывалось о богатырской заставе, мимо которой проезжал Сокольник, оказавшийся потом сыном Ильи. «Впоследствии В. Ф. Миллер признал неизвестными пути, по которым странствующий сюжет проник на русскую почву, отказавшись таким образом от ирано-тюркской теории» <sup>1)</sup>.

А. В. Марков подверг разбору нашу былинку в одной из первых своих статей по былевому эпосу: «К былинке о бое Ильи Муромца с сыном» <sup>2)</sup>. Исходя из указаний нескольких вариантов о «латынской дороге», он переносит место ее действия в Западную Русь, в частности, в Полоцкую землю. В имени Латыгорки, матери сына Ильи, он видит указание на «Летголу» (латышей) русской летописи; «Семигорка» (имя—заменяющее Латыгорку) сопоставляется им с Зимоголой (или «Семигальской землей»). Упоминание имени Добрыни (Рязанского «храбра» в Никоновской летописи), наименование в русских летописях XIII и XIV в. «Латыгола» (впоследствии исчезающее), термин «латынская дорога»—приводят исследователя к мысли о создании быliny в XIII в. и в Полоцкой области. Опирается он и на соображения А. Н. Веселовского о том, что упоминаемый в Тидрекссаге русский князь Владимир есть Полоцкий князь Владимир (XII—XIII в.). «В первой половине XIII в., говорит А. В. Марков, была сделана запись позднейшей редакции древне-немецкой песни о Гильдебранте и Гадубранте; к этому же времени относится обработка этого сюжета, включенная в Скандинавскую Тидрексагу. Тогда же, нужно думать, сюжет

---

<sup>1)</sup> Иав. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. 1914, т. XIX, кн. II, стр. 126—127.

<sup>2)</sup> Этнографич. Обзорение. 1900. Кн. XLVI (№ 3), стр. 73—96.

боя отца с сыном, обезжавший Германию, Нидерланды, Данию и Скандинавский полуостров, проник в Полоцкую область и здесь с большою самостоятельностью (убийство матери сыном) был обработан в местную былинку, рисующую отношения русских к литовским племенам». Эти интересные соображения Маркова не подкреплены убедительными соображениями.

Появление нескольких новых записей нашей былинки и работы А. В. Маркова вызвали новую статью В. Ф. Миллера «К былинке о бое Ильи Муромца с сыном»<sup>1)</sup>. Автор ее не согласился с выводами своего ученика. Повторяя свои сближения былинки с восточными версиями, он однако сомневается в возможности прийти к каким-нибудь положительным заключениям относительно заноса сюжета к нам с запада или востока на основании анализа западно-европейских, русских и азиатских вариантов. Теперь В. Ф. Миллер признает, что «рассказ о бое отца с неузнанным сыном ходил долго и в разных слоях народа в Иране, Средней Азии, на Кавказе, в России, Скандинавии, Германии и т. д., причем основная тема постоянно видоизменялась в подробностях...» Коварства сына не находим «в известном бродячем сюжете нигде кроме России». Русская версия старается всячески подчеркнуть темные стороны сокольника, как порожденного греховною связью, и обелить любимого богатыря. В этом заключается, по мнению Миллера, «основная идея русской переработки сюжета, сделанной каким-либо старинным сказителем при прикреплении бродячей фэбулы к эпической биографии Ильи, который уже в то время был, вероятно, главным и наиболее популярным среди русских богатырей. Определить точно время этой переделки

---

<sup>1)</sup> Этнографич. Обзор. 1906. Кн. LXVII, стр. 79—91; перепечат. в „Очерках рус. нар. словесности“ Миллера. Т. II. М. 1910, стр. 169—185.—Ср. Изв. Отд. рус. яз. и слов. 1915, т. XX, кн. I, стр. 300—301 (Марков. Обзор трудов В. Ф. Миллера).

мы не в состоянии: она могла произойти и в XIII в., как думает Марков, и позже».

В противоположность В. Ф. Миллеру, искавшему общие черты между русскими былинами и восточными сказаниями, М. Г. Халацкий выдвигает связь русского эпоса с западно-европейским. По его наблюдениям, русские былины гораздо ближе к западно-европейским вариантам, нежели к восточным. Руководствуясь сближениями А. Н. Веселовского и отчасти дополняя их, он указывает между прочим на происхождение сына Ильи «из западных стран», на общие детали в описании боя в Тидрексаге. Совпадения между русскими былинами об Илье Муромце—с одной стороны, о Гильтебранте и Гадубранте—с другой, не оставляют, по мнению М. Г. Халацкого, сомнения в том, что русские былины, вопреки предположению Миллера, относятся к европейской группе сказаний, развивающих древне-классический мотив о бое отца с неузнанным сыном. «Иранские сказания о Рустеме и Зорабе представляют особую группу, развившуюся самостоятельно и параллельно западно-европейским, и, м. б., также предполагающую своим источником древне-греческие предания типа Телегонии. Вопрос о том, откуда и как зашел на Русь мотив о бое Ильи с сыном, пока не может быть решен»<sup>1)</sup>.

Сопоставлению эпизодов борьбы эпического героя с сыном посвящена статья Б. И. Ярхо: «Илья, Илияс, Хилтебрант». Русские былины сопоставляются здесь с двумя версиями германских сказаний: 1) старшей, представленной дополняющими друг друга «Песнью о Хилтебранте» XIII в. и стихотворным отрывком из *Asmundarsaga* и 2) младшей, представленной: а) отрывком из Тидрексаги, б) так называемой

---

<sup>1)</sup> М. Халацкий. Южно-славянские сказания о королевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава. 1893, стр. 668—672.



«Младшей песней о Хильтебранте» XV в. и в) эпизодом из поэмы «Смерть Алихарта». Для краткости Б. И. Ярхо обозначает старшую версию—«х», а младшую—«Х». Автор пришел к следующим выводам: 1. Личность Илиаса Русского в древне-немецких поэмах («Ortnit» и др.) сходна с Ильей Муромцем: по имени, по внешнему облику, по географическому и циклическому приурочению, по функции (бой с сыном).—2. Все, чем «Х» в обработке общих моментов отличается от «х», приближает «Х» к былинам об Илье Муромце.—3. «Х» ближе к русским былинам об Илье Муромце и Сокольнике, чем к «х».—4. Русская версия есть нечто среднее между иранской и младшей германской.—5. Все сходства «Х» с русскими былинами о бое Ильи с сыном легко объяснимы из русских эпических отношений и не имеют никаких корней в германском эпосе. (Здесь разумеются: встреча отца с сыном не перед войском, а одиночная, описание вооружения и снаряжения, некоторые детали боя, измена сына).—6. Заимствование сюжета «боя отца с сыном» шло из России в Германию.—7. «Х» (т. е. младшая версия германских сказаний) является переделкой остатков «х» (старшей версии) путем притяжения соответствующего русского материала.—8. В основу младшей германской версии и сказаний об Илье Русском в верхне-германских поэмах легло немецкое сказание, непосредственно восходящее к русскому сказанию об Илье и Сокольнике <sup>1)</sup>).

Новизна и важность этих выводов несомненны. Они примирают положения В. Ф. Миллера—с одной стороны, А. Н. Веселовского и М. Г. Халанского—с другой, отводя русской былине роль посредствующего звена, восполнившего немецкие пересказы бродячего сюжета о бое отца с неузнанным сыном

---

<sup>1)</sup> Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. 1917, т. XXII, кн. II, стр. 326—337.

новыми подробностями, которые возникли на русской почве. Но установление факта влияния русских сказаний на древне-немецкие требует выяснения путей этого влияния в исторической обстановке жизни русского и германского народов до XIII в. Самые доказательства положений Б. И. Ярхо, хотя и предложенные в краткой и несколько схематической форме, имеют большею частью характер убедительности.

Соображения, возникающие по поводу положений Б. И. Ярхо, приводят к необходимости вновь пересмотреть все дошедшие до нас варианты былины о бое Ильи с неузнанным сыном и попытаться установить, в связи с фактами русской истории, как время прикрепления этого бродячего сюжета к русской обстановке, так и пути движения русской версии в Западную Европу и возможность отождествления Ильи Муромца наших былин с Ильей Русским западно-европейских сказаний.

## II.

Сюжет былины о бое Ильи Муромца с сыном пересказывался не раз нашими исследователями; это освобождает нас от необходимости изложения его. Переходим к изучению деталей былины.

Оригинальною особенностью русских былин является «незаконное» происхождение сына, вследствие насильственного захвата Ильей матери Сокольника. Ложное положение сына среди окружающего общества волнует его, раздражает, вызывает месть за насилие над матерью.

Семнадцатилетний богатырь отпрашивается у матери «в поле да посмотреть на людей». Благословляя сына, мать говорит (по пересказу Д. Г. Кобелевой):

— Ты со всеми бейся,—не бейся с одним,  
Который на кони-то сидит да сам шатайтесь,  
И голова-то беда да преклонитесь,  
105 И голова-то седа да раздвоитесь:  
Ишшо-то ведь, дитя, родной отец тебе.

Однако после встречи с отцом, Ильей Муромцем, ласково отпущенный последним,

- 130 И поехал его сын да от шатра домой,  
Недалеко отъехал, сам раздумалса:  
„Я приеду домой, да що мне делати?  
Ишшо звать-то меня да будут сколотышом <sup>1)</sup>  
И звеличат-то меня да будут выблетвом,  
135 Поеду как я, да вороцюсь назад“ (Григор. I, № 94 (130),  
стр. 412—413).

Следует обычное описание нападения на сонного отца и смерть сына от его руки.

В пересказе Сивцова (Поромского) психология несчастного сына такая же:

- И говорит ему матушка:  
160 „Чадо ты мое возлюбленное!  
Ведь тут тебе родной отец—  
Он меня в поле побил,  
Со мной грех творил,  
С того я тебя и прижила“.  
165 Разгорелося у Васьки сердце богатырское:  
„Не хочу слыть заугольником, <sup>2)</sup>  
Поеду к старому собаке, седатому псу;  
Ему жить, либо мне“. (Рыби., 2, II, № 177, стр. 517).

Почти то же читаем в варианте Воинова:

- Говорила ему да родна матушка:  
— „Да ай ты, дитя ты мое милое!  
Ты бился с родителем ведь батюшком.  
315 Когда ездил я во чисто поле полявовать,  
Съезжались мы с ним на поединочку.  
Он меня побил, да тут грех творил,  
От того ты, дитя мое, зарожено“.  
Говорил богатырь таково слово:  
320 Ты свет государынь, моя матушка!  
Поеду я да на Фавор гору,  
Предам ему да смерть я скорую“. (Гильф. III, № 226,  
стр. 194).

---

<sup>1)</sup> Сколотыш, по объяснению сказительницы, незаконный сын, от девки.

<sup>2)</sup> Незаконнорожденный.

Нет необходимости увеличивать цитаты <sup>1)</sup>: незаконное происхождение сына Ильи—общее место большинства былин. Сын не верит сообщению Ильи, что последний является его отцом; для проверки слов Ильи молодой человек едет к матери:

А Борис-от да поехал к родной матери,  
Ишо сам он говорил таково слово:  
„Уж ты гої еси, моя же да родна матушка!  
Ай наехал я старого на чистом поли,  
475 Ай зовет как есть старой меня выблядком.  
Да скажи-ко мне жь, мать, правду исьтяну,  
Королевич ли я, Борис молодой, Ильевич?“

До встречи с Ильей сын считал себя (по пересказу Ф. Т. Пономарева) королевичем:

Меня де молодца зовут да Борисушком,  
435 По отецесью ведь я сын королевичь же  
(Марков № 94, стр. 489—490).

В ряде вариантов раздраженный сын убивает мать, подтвердившую незаконность его происхождения.

Для выяснения того, откуда в русских былинах явилась эта оригинальная особенность («незаконное» происхождение сына), обратимся к его имени. В большинстве пересказов имя сына неизвестно: оно обыкновенно заменяется прозвищем Сокольник (реже Подсокольник), которое стоит в связи с описанием молодого богатыря, выезжающего в поле с соколом.

Один раз этот молодой человек называется Петром королевичем:

Я из западных стран, из Золотой Орды,  
Петре царевич, Золотничанин  
(Гильф. III, № 226, стр. 194; ср. Гильф. III, № 265, стр. 359)

Также случайны единично встречающиеся имена: Васьки (Рыб. II, № 177), Соловник(ов)а (Рыб. II, № 117=Гильф. I, № 46), Аполлоница (Гильф. III, № 246, стр. 288).

<sup>1)</sup> См., напр., Рыб. II, № 199, стр. 637 (вариант Латышова), Гильф. III, № 233, стр. 255.

Наиболее устойчивым является для сына Ильи имя Бориса. Кроме уже указанного варианта Пономарева (Марков, «Беломорские былины»), оно встречается в хорошем пересказе Сборника Кирши Данилова; здесь молодец говорит про себя: «Я тово короля Задонскова». Услышав эти слова, «втапоры Илья Муромец Ивановичь, гляючи на свое чадо милое, и заплакал Илья Муромец Ивановичь: «поезжай ты, Збуд Борис королевич млад, поезжай ты ко своей ты ко своей государыни матушки» (Сб. Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера, стр. 154—155).

В фрагментарной записи из Уфимского уезда (Киреевск. I, № 4, стр. 6).

Выезжал туго удал молодец,  
Удал молодец, бел Борис Козлов.

В былине из Алтайского горного округа встречаем Бориску, который «на носок востер» (Киреевск. I, № 5, стр. 10).

В побывальщине, записанной П. Н. Рыбниковым у Колодзерского старика, противником Ильи является его сын Бориска (Рыб. II, № 165, стр. 436).

Редко встречающееся в русском былевом эпосе имя Бориса, ввиду именно своей редкости и некоторой устойчивости может быть признано древним, исконным в нашей былине. Этот вывод приобретает поддержку в том, что имя Бориса стоит рядом с именем Ильи в других былинах, где оно появляется как-то странно и не может быть удовлетворительно объяснено, если не видеть здесь отзвуков имени сына Ильи. Так, в былине Л. Г. Тупицына о поездках Ильи Муромца, записанной в Барнауле С. И. Гуляевым, сам *Илья*, на вопрос жителей Кидоша, говорит:

..Я по поездке Юриш-Мариш-Шиммаретия,  
По потехе Борис королевич млад..  
40 А скажите мне дорогу прямоезжую  
Ко стольному городу ко Киеву»

(Былины старой и новой записи, II, стр. 2).

В Мезенской былине «Камское побоище. Илья М. и Калин царь» Борис королевич является в роли посла царя Калина; этого царя Калина убивает потом Илья Муромец (Григор., III, № 111 (415), стр. 593—594). В Архангельской старине «Бой Ильи Муромца с сыном» Борис королевич является податманьем Ильи на великой заставе богатырской между Киевом и Черниговом, где стоят семь богатырей. Илья, увидев в поле нахвальщика (своего сына), говорит:

Нам кого послать в цисто поле за нахвальщиком,  
За удалым за добрым молодцом?  
Нам послать будет Бориса королевича,—  
30 Королевского да роду гордого,  
Потеряет он в гордости да буйну голову.  
(Груды музык.-этногр. ком., II, 45).

Русская история знает королевича Бориса, своим происхождением и печальной судьбою напоминающего несчастного сына Ильи. Это—Борис Коломанович, Венгерский королевич, внук Владимира Мономаха. Наиболее подробно его биография изложена В. Г. Васильевским в труде «Из истории Византии в XII в. Союз двух империй (1148—1155)» <sup>1)</sup>. Остановимся на главнейших ее чертах.

Престарелый Венгерский король Коломан в 1112 г. женился на дочери Владимира Мономаха—Евфимии (после смерти старшего сына Ладислава). Брак этот оказался несчастным. Королева была заподозрена мужем в неверности и вынуждена была вернуться на родину, где вскоре по возвращении родила сына Бориса. Король не признал его, как плод прелюбодеяния, но в Венгрии многие не верили в виновность королевы Евфимии и оказывали поддержку королевичу Борису, когда он выступил семнадцатилетним юношей (около

---

<sup>1)</sup> „Славянский Сборник“. Т. II. СПб. 1877, стр. 265—267; см. также К. Я. Грот „Из истории Угрии и Славянства в XII веке“. Варшава. 1889.

1130 г.) в качестве претендента на Венгерский престол. Мать его умерла, по указанию русской летописи, 4 апреля 1139 г., т. е. несколько лет спустя после выступления сына. К 1131 г. относится упоминание венгерской летописи о графе Борисе, оказавшемся при дворе короля Стефана II, но бежавшем вскоре из Венгрии, так как он подвергся преследованию, будучи своими сторонниками провозглашен королем во время болезни Стефана. Бежал он в Византию, обратился за поддержкою к императору Кало-Иоанну, и хотя женился на его родственнице, но существенной поддержки от Византии не получил. Эта поддержка была оказана ему русскими и польскими князьями в 1132 г., когда он выступил соперником нового Венгерского короля—Белы II. По сообщению Венгерского летописца Туроция, в самом начале нового царствования одна из венгерских партий пригласила на царство Бориса и обещала ему свое содействие, так как считала его законным сыном короля Коломана. Борис, призвав к себе на помощь русских и поляков, пришел в пределы Венгрии и остановился на месте, которое называется Шайо (Seo, Sajo). Король Бела, с своей стороны, вышел ему навстречу. Место столкновения произошло, по всей вероятности, в нынешнем Гёмёрском комитате, после прохода русских и польских войск из долины р. Попрада (текущего в Дунаевец, приток Вислы) в долину Шайо (Sajo), притока Тиссы, т. е. на юго-запад от Татр, в начале Восточных (Лесистых) Карпат. Король Бела <sup>1)</sup>, по словам Венгерского летописца, почувствовал колебания в пользу претендента в собственном лагере. Поэтому он созвал совещание вельмож и обратился к ним с вопросом, считают ли они Бориса сыном короля Коломана. Сторонники Белы отвечали, что Борис, как незаконный сын, недостойн

---

<sup>1)</sup> Дальнейшее изложение основано на цитатах В. Г. Васильевского из летописи Туроция и на выводах русского ученого.

короны. Противников Белы, как изменников, перебили. Но некоторые из них успели спастись и, собравшись с силами, напасть на короля. Один из их среды вызвался пойти прямо в королевский лагерь и торжественно предать позору короля Белу. Это был граф Самсон, который проник в палатку короля, торжественно назвал его собакой и потребовал, чтобы он удалился в монастырь, а царство передал Борису. Последний с большою толпою русских и поляков остановился станом недалеко от стана короля. Венгерские бояре обратились к русским и польским князьям с увещанием отказаться от помощи Борису. Увещание подействовало, и князья русские и польские возвратились в свои земли. Борис всетаки с большим войском вступил в борьбу с Белою, но король сокрушил всю силу Бориса. Борьба за Венгерское наследство, в которой помогали Борису русские, поляки и немцы, продолжалась несколько лет, но не была успешна для претендента. В 1146 г. Борис явился на Ахенский сейм и просил помощи у короля Германского Конрада; в 1147 г. он оказался в лагере Французского короля Людовика VII, проходившего с отрядом крестоносцев чрез Венгрию, и добивался низложения Гейзы и передачи себе королевской власти. Успеха и тут он не имел и должен был спасать жизнь бегством. Около 1155 г. несчастный королевич был убит, сражаясь в рядах греческой армии в одной из стычек ее с венгерцами.

Участие русских князей и русских войск в попытках Бориса Коломановича силою добиться власти над Венгрией могло быть отмечено в русском былевом эпосе, с указанием на их неудачный исход. В самом деле, на Руси родился, воспитывался и вырос получужой по происхождению королевич; сделавшись совершеннолетним, он добивался, при помощи русских войск, восстановления своих прав, но неудачно. Не-



удачи его стояли в связи с непризнанием его законным сыном короля. Поэтому изложение его воинственных выступлений против врагов могло слиться с бродячим сюжетом о бое отца с сыном, неудачном в конце концов для сына. Сюжет этот в русском эпосе отмечается подчеркиванием «незаконного» происхождения сына и получил мотивировку гибели молодого неудачника вследствие его вероломства в борьбе с противником. Таким представляется мне процесс сложения и развития сюжета нашей былины.

### III.

Эпизод борьбы Ильи Муромца с сыном вошел в некоторые пересказы записанной сравнительно недавно в Архангельской губ. былины, которая носит заглавие «Камское побоище». Эта былина имеет довольно сложное содержание, впервые анализированное А. В. Марковым в ст. «Беломорская былина о походе новгородцев в Югру в XIV в.»<sup>1)</sup> По его указанию, если выделить ряд эпизодов (подступа неверной силы к Киеву, расправы Ильи с Идолицем, встречи Ильи с сыном и др.), то «остается очень простой рассказ о том, как князь собрал дружину и отправил ее, во главе с неким Самсоном Колывановичем, на двор которого впервые съехались богатыри из разных местностей, против какой-то неверной силы. Побоище было жестокое, и хотя былина в теперешнем своем виде рассказывает о победе дружины над ордой, можно думать по некоторым признакам, что в первоначальной ее версии говорилось о поражении». Героем былины, по мнению А. В. Маркова, является Самсон Колыванов, побитый на Югре в 1357 г. Указывая на историче-

---

<sup>1)</sup> Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М. 1900, стр. 150—162.

ского Самсона Колыванова, автор статьи оговаривается, что он не думает возводить к нему все черты, которыми характеризуется Самсон в былинах.

В. Ф. Миллер несогласен с конечными выводами своего ученика о новгородском отклике в былине. Он полагает, что в основном плане былины не было Ильи Муромца, и что план этот нарушен введением в него Ильи, как главного действующего лица. Миллер согласен с мнением Маркова, что в первоначальной редакции былины о Камском побоище бой богатырей с врагами кончался поражением русских <sup>1)</sup>. Что касается имени Колыван, то в одной из позднейших статей В. Ф. Миллер видел в нем финское имя. А. В. Марков не соглашался с этим; по мнению его, это имя легче объяснить из имени греческого императора Кало-Иоанна или Калуюна русских летописей <sup>2)</sup>.

Соглашаясь с выводами В. Ф. Миллера, что имя Ильи Муромца в былине «Камское побоище» явилось не при создании былины, а впоследствии, я не сомневаюсь в том, что предшественником Ильи здесь должно считать Самсона Колывановича, почти единогласно во всех пересказах «Камского побоища» стоящего во главе русской богатырской дружины, тем более, что есть пересказы, где все богатыри с'езжаются именно к нему перед походом против Идолица (Калина). Принимая во внимание несомненную связь былины о Камском побоище с вариантами пересказов былинных сюжетов о совместном выступлении Ильи Муромца и Добрыни Никитича и о встрече их с Борисом (или Сокольников), мы

---

<sup>1)</sup> В. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины. Т. II. М. 1910, стр. 32—59. Доводы Миллера, направленные против выводов Маркова о новгородском происхождении былины „Камское побоище“, не убедили последнего (Ср. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. 1915, т. XX, кн. I, стр. 291).

<sup>2)</sup> Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. 1915, т. XX, кн. I, стр. 320.

склонны считать более древними и основными в былине эти сюжеты выступления русских богатырей, во главе которых первоначально стоял не Илья Муромец, а Самсон Колыванович. Что касается нападения на Киев Идолища (или Калина), то этот мотив, по нашему мнению, явился в былине позднее, причем сказители не заметили того, что богатыри, созданные на двор Самсона Колывановича для защиты Киева, ведут не оборонительную войну, а скорее наступательную. Вообще, в былинах о Камском побоище чувствуется не традиционная защита Киева от насильника врага, а организованное выступление русских богатырей для совместной борьбы против общего врага в местности, чуждой им, у каких-то гор. Поэтому русские богатыри собираются первоначально даже не в Киеве, а во дворе Самсона Колывановича, который и является как бы инициатором похода.

А как зачали богатыри съезжатисе,

125 А к Самсону съезжатися на широкой двор....

128 Как поехали богатыри от Самсона широка двора.

(Марков. № 81, пересказ Г. Л. Крюкова, стр. 437).

По этому варианту от первенства в пользу Ильи Муромца отказывается сам Самсон Колыбаевич, ссылаясь на то, что Илье «во чистом поли смерть не писана».

Мы привели выше выдержки из Венгерской летописи о графе Самсоне, стороннике и защитнике прав королевича Бориса, и решаемся отождествить его с Самсоном Колывановичем былин. Подобно тому, как граф Самсон не побоялся пробраться из лагеря претендента в ставку короля Белы, потребовал его отречения и обругал короля собакой, так и в былинах Илья Муромец, заменивший Самсона Колывановича, бесстрашно явился в стан Идолища, обзывая его ругательствами, и потом убил врага среди его войска.

Отчество Колыванович я объясняю из «Коломанович».

Кто был граф Самсон, точно мы не знаем; известно только то, что этот магнат не оставил без своей поддержки опозоренную сплетнями королеву и ее сына. Если он оказался видным защитником королевича Бориса (по свидетельству Венгерской хроники), то вполне вероятно предположение, что он был и инициатором или главным руководителем похода в пользу претендента; русская былина также считает Самсона Колывановича инициатором похода русских богатырей против врага. Как деятель в интересах Бориса Коломановича, он и мог получить отчество, отвлеченное от отчества Бориса. В звуковом отношении Колыванович из Колыманович в русских народных говорах вполне возможно <sup>1)</sup>.

Неудачу Борисова похода, стоявшего в связи с требованием для Бориса королевского титула, приходилось при исторической обстановке объяснить шаткостью домогательства ввиду «незаконного» происхождения претендента. И в поэтическом произведении русского эпоса объяснение осталось то же: Борис королевич во время своего боевого выступления убедился в слабой обоснованности своих прав на титул королевича, винил в этом мать и предполагаемого отца и погиб во время трудной и неравной, хотя и настойчивой, борьбы с непреодолимыми препятствиями. Такова картина, которая изображена и в былине о Камском побоище.

Подобный эпизод, описывающий борьбу молодого богатыря Золотой Орды и вместе с тем короля земли Бухарской, внесен неожиданно и неуместно в пересказ былины о Доб-

---

<sup>1)</sup> В. Ф. Миллер привел некоторые примеры перехода *м* в *в* в своих „Очерках рус. нар. слов.“ Т. II, стр. 58.—Если остановиться, следуя А. В. Маркову, на объяснении имени „Колыван“ из „Кало-Иоанн“, то напомним, что Борис был женат на родственнице императора Кало-Иоанна, и что его интересы мог поддерживать кто-либо из родственников или даже сыновей Византийского императора, враждебно относившегося к Венгрии.

рыне и Алеше (П. Т. Антонова), записанный А. Ф. Гильфердингом. Здесь обычное место Ильи в борьбе с неизвестным сыном занимает Добрыня. На вопрос последнего о происхождении противника

Говорит король таково слово:

— Я есть ведь богатырь Золотой Орды,

— Я король земли я есть Бухарский.

320 А взымал Добрыня за белы руки,

Отымал Добрыня от сырой земли,

и предложил молодцу отвезти матери дорогой подарочек— колечко подзолоченое.

А поехал король тут придумался....

— Станут люди все мне смеяться,

— Будут звать меня как заугольником,

— Будут звать меня как беззаконным

(Гильф. I, стр. 497—498).

Судьба этого молодца, напавшего на спящего отца, оказывается такой же, как и в большинстве былин о бое отца с сыном, т. е. трагической. Упоминаемый в этой былине «король Бухарский» не есть ли король Угорский наших летописей?

Во всяком случае, объяснение содержания былин о Камском побоище и ее эпизода—борьбы отца с сыном из русско-венгерских отношений, по моему мнению, наиболее разъясняет сюжет былин, которая, и по выводам В. Ф. Миллера и А. В. Маркова, заканчивалась в первоначальной редакции не победой русских богатырей, а их поражением. В этом отношении любопытно окончание былин в одном из вариантов в сборнике А. Д. Григорьева. Вызванные на бой с татарской силой

375 А поехали молочники во чисто полё.

Да приежджают тут в той силе тотарское,

Они били эту силу да всё рубили веть.

Они сколько тут ею дак они бьют ею,

Убили ею, да тут веть нету же.

- 380 Пресвята де Богородица Илеюшка глас гласит:  
„Уш ты ой еси, Илеюшка тут Мурамец!  
„Нам живым, верно, с мертвыми не наратицьсе“.  
Да скрычал бы Илейка громким голосом:  
„Уж вы ой еси, друзья, братья, товарищи!  
385 „Нам живым, видно, с мертвыми не наратицьсе.  
„Тут поедём, робятушка, обратно назад“.  
Фсе тут ребятушки обратилисе  
Ко тому де к Илейкину г белу шатру,  
Да скопилися они да все съехалисе,  
390 Да Поповичи ище нигде не очудились.  
(Григ. III, № 111 (415), стр. 602).

Ясно, что богатыри отступили, при этом Поповичи пропали без вести, или погибли. Гибель Поповичей объясняется тем, что они были виновниками появления новой силы, так как, после первой удачи, неумеренно расхвастались. Самая похвальба напоминает соответствующий эпизод былины «О том, как перевелись витязи на святой Руси». Записанный А. В. Марковым у Л. Г. Крюкова вариант былины о Камском побоище рассказывает, что виновники вторичного побоища, вызванного их похвальбою, Алеша Попович и Гаврила Долгополый, —

- 375 А поехали в-ти-пор да ко белым шатрам,  
А Олешенька с Гаврилой во чисто поле,  
На вострых копьях они скололисе.  
(Марк., стр. 443).

То же повторяет пересказ Пономарева (Марк., № 94, стр. 486).

Приурочение похода Ильи (Самсона) с русскими богатырями к Венгрии и ко времени королевича Бориса Коломановича может дать объяснение непонятным словам Ильи Муромца (приведенные выше):

Я по поездке Юриш-Мариш-Шипмаретин,  
По потехе Борис королевич млад..

Имена Юриш, Мариш напоминают своими окончаниями

венгерские: Альмуш, Кукниш и др., а также местные венгерские наименования: Марош, Мармарош, Самош, Темеш и др.— Илья Муромец, припоминая здесь, «по потехе» своего сына Бориса-королевича, называет себя Юриш, Мариш, Шинимаретин и этим как бы указывает на венгерскую обстановку, в которой ему пришлось действовать.

Текст былин о бое Ильи с сыном и о Камском побоище указывает или на слабое прикреплeние их к Киеву и к князю Владимиру, или на полное отсутствие упоминания о Киеве; с Владимировым циклом обе былины имеют общими только имена некоторых богатырей.

Где же происходит встреча Ильи с сыном? В поле, в степи, где-то вблизи заставы богатырской. Уже Марков обратил внимание на то, что в немногих пересказах богатырская застава Ильи Муромца и других находится не близ Киева, а на «латынской» дороге. (Гильф., №№ 246, 250, 265). По его мнению, и в другие былины об Илье «латынская дорога попала из старин о бое Ильи с сыном» (Op. cit., стр. 78). В. Ф. Миллер полагает, что указанные Марковым пересказы не относятся к числу лучших и не производят впечатления близости к обычной эпической традиции. В одном из них, относительно лучшем (№ 246), богатыри выезжают на заставу, на латынскую дорогу из города Волынца—Галича, из которого обычно выезжает в нашем эпосе Дюк (Миллер. Очерки. II, стр. 170). Это возражение Миллера говорит, однако, скорее в пользу мнения Маркова. «Латынская дорога» и должна была идти через Волынь—Галич, особенно если признать, что русские войска шли по ней в Венгрию для поддержки Бориса Коломановича.

Некоторые варианты былин указывают на то, что встреча отца с сыном произошла хотя и в чистом поле, но недалеко от каких-то гор.

Шьто на тих было горах Латыньских жа,  
Как у той же было у бабы у Латыгорки  
А как было у ей да чадо милоё

(Марк. № 70, стр. 358).

На горах, горах дак было на высокиих,  
Не на шоломи было овалистых.  
Там стоял де ноне да тонкой бел шатер.  
Во шатри удаленьки добри молодцы;

5 Во первых-то стары казак Илья Муромец.

(Григ. III, № 4 (308), стр. 19).

Приехал старой и седатой и Донской казак Илья  
Муромец,

По русски как свозать на круту гору,

95 На круту гору да на оватишто;

Берет, берет да в руки трубку долговидное.

(Григ. I, № 8, стр. 43).

О чужеземном происхождении противника Ильи говорят почти все былины; он родился «за морем», «у синя моря».

#### IV.

Имя Ильи Русского встречается в памятниках германского эпоса, записанных в XIII в. В поэме об Ортните упоминается Lias или Elias, künig von Reuzzen, Reuzen, Riuzen и т. п., в Тидрексаге Lias—jarl af Gresa. Первая из них, написанная в тридцатых годах XIII в., «представляет его— по словам А. Н. Веселовского—еще вне связи с Владимиром, к эпическому циклу которого он позднее потянул вместе с другими богатырями; в сравнении с Ильей саги о Тидреке, где он назван братом Владимира, это своего рода дата. Есть в его характере и личные черты: он суров и неистов, как Wate в Кудруне, но такой же пестун молодых витязей и такой же мощный старик; руководит племянником Ортнитом, как и в былинах Илья—типический богатырский дядя» <sup>1)</sup>. В этой поэме есть эпизод борьбы отца с сыном, одною де-

<sup>1)</sup> Русские и Вильтины в саге о Тидреке Бернском. Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Акад. Наук. 1906, XI, кн. 3, стр. 65.



таллю напоминающий русские былины. Ортнит (Отнит) вступает в бой с карликом Альберихом, который оказывается его отцом. Ортнит, обладавший силою 12 человек, в конце концов оказался победителем. Победенный Альберих сообщил ему тайну его матери, т. е., что он должен считать Альбериха своим отцом. «Если это так, то да будет сожжена моя мать; как смела она любить другого, кроме отца моего (т. е. кроме того, кто назывался его отцом); попадись она мне, не проживет и дня». Тогда Альберих объясняет ему, что это было против воли его матери, среди бела дня, что она плакала горькими слезами, но тщетно». Сын успокаивается и отказывается от мести <sup>1)</sup>. В немецкой поэме Илья (Ilias, Elias)— дядя Ортнита; в Тидрексаге Ilias—отец Ортнита (Гертнита). Б. И. Ярхо полагает, что здесь мы имеем исконный бой Ортнита с отцом, но не с Альберихом, а с Илиасом. «Следы старых отношений сохранились, быть может, еще в «Ортните», когда герой говорит Илиасу: *Jch will dich ze vater kiesem; du bist der Vater min*» <sup>2)</sup>.

Сага о Тидреке составлена в половине XIII в.; она сохранилась в неполной рукописи конца XIII в. и в других позднейших списках исландского происхождения и в шведском переводе XV в. В основе ее, как указано в ее прологе, лежат немецкие рассказы, перешедшие на север: к датчанам, шведам, норвежцам, исландцам. В ней не раз упоминаются русские города: Смоленск, Полоцк, Киев, Новгород (Smalisku, Smolinzkiu, Palltaeskiu, Pultiskiui, Kiu, Holmgard). Страной

---

<sup>1)</sup> Ор. Миллер. *Op. cit.*, стр. 20—21. Отмечая только один известный тогда вариант русской былины об убийстве разъяренным сыном матери, Ор. Миллер считает эту деталь стоящей одиноко. Между тем находим его у Марк. №№ 70, 94, Григор. I, №№ 2, 5, 26; т. III, №№ 16 (320), 32 (336), 42 (346), 64 (368), 85 (389), 113 (417); Оичук. № 1 (14).

<sup>2)</sup> Б. И. Ярхо. *Op. cit.*, с. 328.

Ruszialand владеет Hertnit (ср. Ортнит немецкой поэмы); он передает землю Вильтинов во владение сыну Озантриксу, другому сыну Вальдемару отдает Ruszialand и Pulaernaland (Ruszialand ok Pulinaland); третьего сына Илью (Лias), рожденного от наложницы, он поставил ярлом в Греции. Илья был великий предводитель и могучий витязь. Вальдемар владеет Гольмгардом, Полоцком и Смоленском. Во время войны с Атилою он убит под Смоленском. Лias, брат Вальдемара, становится вассалом Атилы. В числе его подвигов Тидрекссага упоминает (гл. 308, 309) о борьбе с Атилой, вторгшемся в царство Вальдемара. Происходит сражение, и Атила бежит. Тогда вступает в бой вассал—союзник Атилы Гильтебранд. Но против него выехал ярл Греции. В этом месте саги ярл Греции не назван по имени, но А. Н. Веселовский не сомневается в том, что здесь говорится об Илье (ор. cit., 69; 185—186).

Исследователей былевого эпоса давно занимает вопрос, можно ли отождествить Илью германских сказаний с Ильей Муромцем русских былин. Большинство склоняется к такому отождествлению (Мюленгоф, Л. Н. Майков, И. В. Ягич, А. Н. Веселовский, М. Г. Халанский). Особенно много потрудились над выяснением этого вопроса Халанский и Веселовский. В труде первого «К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем» (Ж. М. Н. Пр. 1902, август, ноябрь) собран богатый сравнительный материал; но трудно согласиться с положением Халанского, видящего в рассказах об Илье Русском отзвуки сказаний об Олеге Вещем. А. Н. Веселовский, подвергнув в последнем труде своем о Тидрекссаге обстоятельному пересмотру литературу предмета, не согласился с соображениями Халанского. Он остановился подробно на русско-немецких отношениях, о роли Полоцкой земли, указал на Владимира, князя Полоцкого конца XII в. Этот князь в Ливонской хронике

Генриха Латыша называется *rex... de Gersike*. Веселовский поставил (в V главе своего исследования) вопрос: «Илья Греческий или из Герцеке?» Важно его замечание, что «в немецкой поэме XIII в., тем более в ее источнике, если Илья был там назван, он мог быть только южно-русским», так как под Русью долго разумелась одна южная или юго-западная Россия (Ор. с., 76—77). Попытку Веселовского (о. с., 73) объяснить Илью Греческого из Герцеке (на З. Двине) нельзя признать удачной, тем более, что он основывается на тексте *jarl einn af Gersikeborg*, находящейся в рукописи саги XVII в.; между тем в рукописи XIII в. стоит не один раз *jarl af Greka*, и это чтение надо считать основным.

Подойдем к этому вопросу с другой стороны. Уже Д. А. Ровинский указал на родовитость Ильи Муромца. Она, по мнению, Ровинского, подтверждается известием Ляссоты (конца XVI в.), что гробница Ильи в Киеве «показывалась рядом с гробницей другого богатыря, при чем обе гробницы были поставлены каждая в особом приделе при соборной церкви в Киеве». В последних своих работах об Илье Муромце В. Ф. Миллер справедливо указывал на то, что «крестьянство», а затем «казачество» Ильи является чертами позднейшими. Мотив чудесного исцеления крестьянского сына Ильи, находящийся только в немногих вариантах, по выводам Миллера, поздний и вошел в былины из сказок, где он весьма обычен. По древнейшей записи былины, Илья не крестьянский сын из села Карачарова, а уроженец г. Морова или Муромца. В письме Кмиты Чернобыльского (1574 г.) Илья Муравленн и Соловей Будимирович стоят рядом; судя по упоминанию в этом письме, Илья не был крестьянином из села Карачарова, не был прикреплен к Мурому. В одном из вариантов былин об Илье Миллер подчеркивает обращение князя Владимира к Илье:

„Ты гой еси, осударь, Илья Муромец  
„Закличь Соловюшка Рахманова“.  
Закликал осударь Илья Муромец.

Исследователь говорит: «Отметим, повидимому, старинные черты в этом варианте: Илья не крестьянский сын, князь Владимир чествует его обращением «осударь»; упоминается только город Муром, села Карачарова нет» <sup>1)</sup>).

Мы присоединяемся к этим выводам, принимая, что в первоначальном образе Илья не выделялся своим «крестьянством», и что его крестьянское происхождение—черта позднейшая. Что касается вопроса об имени «Муромец», то оно, как прозвище богатыря, является в стиле нашего эпоса не совсем обычным: былины наши не дают в большинстве случаев указаний на происхождение богатырей (ср. только безименных—богатыря Суровца, братьев Суздальцев). Былины не прибавляют к имени Алеши Поповича «Ростовец», Добрыни Никитича — «Рязанец». Поэтому мало обычное прозвище Ильи я склонен считать не указанием на происхождение его из русского города Муroma, а свидетельством о связи Ильи с Мурманами, т. е. с Норвежцами. Урмане, Нурмане—летописей, Мурманский берег, св. Лазарь Муромский (в Олонецкой губ.) и др. имена указывают на то, что «Муромский, Муромец» было в древней Руси наименование наших северных соседей <sup>2)</sup>. В связи с этим приведем упоминание о Муромляне богатыре (без имени) в одной из былин, записанных А. Ф. Гильфердингом (№ 185, в новом издании, т. II, стр. 665—666).

В одной из исландских саг о Бьерне (совершающем на Руси при князе Вальдемаре подвиг, аналогичный с подвигом

<sup>1)</sup> „К былинам об Илье Муромце и Соловье разбойнике“. — Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук, 1912, т. XVII, кн. 4, стр. 180, 219.

<sup>2)</sup> См. примеры и сопоставления в статье Халанского „К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем“ (Ж. М. Н. Пр. 1902, август, стр. 314—315, 340).

Яна Усмошведа) сообщается, что он происходил из фамилии Мугаманна (Ant. Rus. II, 340).

Предложенное нами объяснение прозвища Ильи позволяет, по нашему мнению, ответить на вопрос, почему в германских сказаниях он называется «Русским» или «ярлом Греции».—В пояснение прозвища Гудлейка (Gudleikr) «Русский» (Gerzki), упоминаемого в Heimskringla Снорре Стурлесона, редакторы «Antiquités Russes» дали следующее примечание: «Gerdskr» обозначает собственно того, кто был в Гардарики <sup>1)</sup>. Скандинавы имели обыкновение называть по имени чужой страны тех, кто имел там продолжительное пребывание. Это выражение употребляется еще и теперь в этом значении в Скандинавии. Вот почему купец Gulle назван Gilli hin Gerzki. Часто встречающаяся перестановка слогов *ir* и *ri* в слове Grikland (Girkland) является причиной того, почему прилагательное gerzki (русский) и girskr (grikskr, греческий) часто смешиваются. Соседство России и Греции и общая религия в этих двух странах сделали смешение этих двух слов еще более обычными». (Ant. Rus. I, 295; примеры подобного употребления слова «русский» можно найти в сагах; см. Ant. Rus. II, 119, 162). Итак, «русский» обыкновенно означает в сагах норманна, побывавшего на Руси.

Считая Илью выходцем из Норвегии, прославившимся своими подвигами на нашей родине, мы теперь можем признать, что на Руси его могли называть *Муромцем*, а на родине—*русским*. Вместе с тем мы можем определить и путь (или, точнее, один из путей), которым шли русские сказания на Запад: это был путь через Скандинавские страны. Недаром Илья называется *ярлом Греции*, т. е. титулом, известным на

---

<sup>1)</sup> Т. е. на Руси.

Севере Европы и в Англии и необычным для Германии, куда, по сагам, зашли о нем сказания.

Пролог к Тидрекссаге подчеркивает, что она составлена в Германии, откуда германские сказания перешли на Север Европы. Однако, придерживаясь буквального понимания этих слов нельзя, принимая во внимание, что ряд эпизодов в саге описывает события не в Германии, и что другие эпизоды— бродячие сюжеты, не созданные немцами, а только прикрепленные в сказаниях германцев к их деятелям. Да и записавшие сагу, конечно, не задавались целью выделить древнегерманские рассказы от новых, особенно от рассказов, заимствованных германцами у других народов. Для ясности сообщения записавших сагу об источниках ее приведем отрывок из пролога к Тидрекссаге по переводу, приложенному к статье А. Н. Веселовского<sup>1)</sup>. «Сага эта починается с Апулии и идет к Северу по Лангобардии и Венеции в Швабию, Венгрию, Россию, Винланд, Данию и Швецию, по всей Саксонии и земле франков, а на Запад по Галлии и Испании. И по всем этим странам идет сага, повествующая о великих делах, совершенных теми мужами, о которых рассказывается в каждой из названных стран. Датчане и шведы знают сказывать из нее много саг и нечто они переложили (?) в свои песни, которыми они забавляют именитых людей. Северные люди<sup>2)</sup> собрали некоторую часть саги и кое-что в песенной форме. И хотя есть кое-какие различия в именах мужей и событиях, тому удивляться нечего: так много саг они насказали. Тем не менее (сага) сложилась почти из одного материала. Сага эта составлена по рассказам немецких людей, а нечто по их песням, которыми (подобает) забавлять именитых людей, сло-

---

<sup>1)</sup> Изв. Отд. рус. яз. и слов. Акад. Наук. 1906, т. XI, кн. 3.

<sup>2)</sup> Nordmenn, т. е. норвежцы.

женных (2) тотчас после событий, о которых говорится в этой саге. И хотя бы ты взял по человеку из каждого города по всей Саксонии, все они расскажут эту сагу на один лад: тому причиной—их древние песни». Итак, по мнению редактора записей саги о Тидреке, песенный склад немецких песен способствовал устойчивости их текста 1). Такие же песни существовали в Дании и Швеции. Можно думать, что происходил постоянный обмен народными сказаниями между всеми народами средней и северной Европы, не исключая и России, из которой шли рассказы о подвигах русских богатырей (напр., Ильи) 2). В свою очередь, и на Русь доходили рассказы «о граде Бърне, идеже бе жил поганый злый Дедрих» (т. е. Тидрек из Вероны), о котором упоминает под 1204 г. I Новгородская летопись.

#### V.

Мы установили, что создание русской былины о бое Ильи Муромца с сыном или, точнее, приурочение этого бродячего сюжета к русской обстановке относится к середине XII века. Теперь перейдем к вопросу о хронологии Ильи Муромца. Если признать тожество этого русского богатыря с Илиясом немецких саг и поэм, то необходимо отнести появление его имени в русском эпосе ко второй половине XII в. и не позднее самого начала XIII в., в середине которого была записана сага о Тидреке. Русские ученые разных направлений, подходившие к выяснению этого вопроса разными путями, указывали именно это время, как наиболее вероятное для создания былин об Илье. М. А. Максимович соглашается с по-

---

1) По мнению В. Г. Васильевского, песни скальдов представляют больше сохранности и исторической ценности, чем прозаические части саг.

2) А. А. Куник говорит: „Более всего могли содействовать распространению саг купцы (припомним немецких купцов из Висби, доставивших материал для Мурманской Тидрекссаги), а кроме них также и военнопленные и бродячие воины“.

казанием «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского (1638 г.), писавшего на основании преданий Киево-Печерской лавры и дат древних досок с именами монахов в пещерах, что Илья жил за 450 лет до Кальнофойского, т. е. около 1188 г. (Соч. Максимовича. Т. I. Киев. 1876, стр. 123—128). В. О. Ключевский относит создание былины к XII веку, основываясь на показании былины об отсутствии в это время прямоезжей дороги из Мурома в Киев (Курс рус. истории. I, 355). В. Ф. Миллер возражает против доводов Ключевского; но в конце анализа былины признает допустимым предположение о давности сложения прототипа былин об Илье и Соловье и о возможности отнесения его к XII или началу XIII века (Изв. Отд. рус. яз. И. Акад. Наук. 1912, т. XVII, кн. 4, стр. 207). А. Н. Веселовский присоединился к мнению А. В. Маркова, что былина о бое Ильи Муромца с сыном сложилась в Полоцкой области в первой половине XIII в., с оговоркою, что правильнее было бы говорить не о сложении, а о приурочении былины к Полоцкой земле (Изв. Отд. рус. яз. 1907, т. XI, кн. 3, стр. 27). Этим приурочением самое создание былины должно быть, конечно, отодвинуто ко времени несколько более раннему, чтобы дать возможность и время русской версии и русским именам попасть в сказания Западной Европы.

Мнение названных ученых о появлении в XII веке былин, в которых выступает Илья Муромец, должно быть принято во внимание и при наших выводах о том, что Илья был Мурманец, т. е. выходец из Норвегии. Правда, ближайшие сношения Руси с Норвегией и с другими северными странами значительно ослабели после Ярослава, т. е. с половины XI в. Тем не менее они не прекратились. Мы знаем, например, о женитьбе Владимира Мономаха на Гиде, дочери Гаральда Английского, о браке Мстислава I на Кристине Шведской. В сагах



Мстислав называется Гаральдом. Его две дочери были выданы замуж за северных принцев: Мальмфредь за Сигурда (вторым браком—за Эриха Датского), Ингибиярга—за Канута Датского. От последнего брака родился в 1131 г. Вальдемар, впоследствии король Датский. О браке дочерей Мстислава—Гаральда рассказывает *Knytlingasaga*, по словам которой детство Вальдемара прошло на Руси, где он воспитывался и где приобрел народную любовь, отличаясь красотой, сильным телосложением и многими достоинствами (*Ant. Rus. II*, 135—137; впрочем эта эпическая характеристика, являясь общим эпическим местом в сагах, не имеет безусловной исторической ценности и должна быть принята с оговорками). В *Ötva-roddssaga* перечисляются города Руси: *Morammar*, *Radstofa*, *Sursdal*, *Holmgard*, *Pallteskjuborg*, *Kuengördum* (т. е. Муром, Ростов, Суздаль, Новгород, Полоцк, Киев). В предисловии к саге норвежский историк Мунк указывает на то, что в ней отразились представления норвежцев о Руси в XIII в. (*Ant. Rus. I*, 105, 91). Правильнее, однако, видеть здесь не XIII век, а скорее середину XII века, так как в саге упоминается город Суздаль, отодвинутый в конце XII в. на второй план городом Владимиром. Итак, исторические данные и саги подтверждают то, что скандинавы продолжали сношения с Русью в XII в.; поэтому вполне понятно появление на Руси их выходцев или из свиты *Vidhaut(r)*'а (посла Канута к Мстиславу), или других лиц в середине XII века.

В приведенном из саги перечислении городов стоят на первом месте города Суздальской земли. В Суздаль, как новый центр политической жизни Руси, и направлялись северные выходцы. В связи с этим приобретает некоторое историко-литературное значение известие Архангелогородского летописца о нападении войск Андрея Боголюбского на Новгород в 6667 (1169) году. «Князь Андрей Юрьевич посла сына

своего Мстислава на Новгород с ратью, а с ним 72 князи, и много множество вой. И приступиша ко граду. Они же (Новгородцы) вынесоша на град образ пречистые Одигитрии, и по грехом един князь *Муромец* стрелив на город и преиде во образ иконы. Она же отврати лице на град, а ратныи вси слепоша, имаша ратных руками». В. Ф. Миллер сопоставляет этот рассказ с эпизодом стрелянья Ильи Муромца по церковным маковкам и крестам <sup>1)</sup>. Не будем вдаваться в разбор литературной истории этого сказания; упомянем только, что зародыш легенды о защите Новгорода богородицею находится уже в Лаврентьевской летописи; развитие ее находим в «Воспоминании знамени и чудес от иконы пресвятыя богородицы» (Памятн. старин. рус. литерат. под ред. Н. И. Костомарова. СПб. 1860. I, 211—212). По Лаврентьевской летописи в Суздальском войске был сын Муромского князя; в «Воспоминании» и в Архангелогородском летописце 72 союзных князя. «Князь Муромец» не одно и то же, что «князь Муромский». Если же этого «князя Муромца» можно сопоставить с Ильей Муромцем былин, как это делал В. Ф. Миллер, то нельзя игнорировать упоминания при нем титула «князя» (ярла). («Ярлами» норвежцы называли Рагнвальда и Эйлифа, бывших на службе у Ярослава. Ant. Rus. II, 101—102). Этот «князь Муромец» мог перейти из Суздальской земли на службу в Киев и там окончить бурную жизнь в Печерском монастыре.

Коснувшись Суздальского княжества, не можем не отметить, что данная в Тидрекссаге характеристика русского конунга Озантрикса, старшего брата Ильи, напоминает Андрея Боголюбского. Опустив элемент сказочный, приведем из нее отрывок по переводу, приложенному к последнему исследо-

---

<sup>1)</sup> Этнографич. Обзор. 1911, № 3—4, стр. 177—179.

ванию А. Н. Веселовского. «У конунга Озантрикса с годами стал другой нрав, чем когда он был моложе. Он стал так жестоко править, что народ в его царстве едва переносил то ярмо, которое он взвалил на шею каждому. Он... всегда был к своим подданным тем суровее относительно дани, чем больше ее ему приносили. Вел он также торговлю со всеми, с богатым и небогатым, людьми из своей дружины, крестьянином и заезжим купцом. Хотя он и давал своим рыцарям лены в жалованье, но при этом *сам хотел оставаться правителем, чтобы иметь над ними верховную власть.* Никогда не приносили они ему так много, чтобы он не потребовал еще столько же, и никогда не поступало в его дворец столько скота и припасов, чтобы не казалось, будто все это уходило в пропасть; и всегда там голодали и плохо жили. Каждые 12 месяцев бывал великий, непомерный побор, и всем это стало в привычку, и у него *вечно были распри и войны...* *Захватил он достояние других подвластных ему людей,* так и его родичи; все они были обучены насилию по одной книге». Погиб Озантрикс в столкновении с войском Тидрека. После убийства Озантрикса его убийцы взломали тюрьму, ограбили дворец, увели коня Скеминга, «забрали серебра и золота и богатых драгоценностей, сколько могли унести». Приведенная характеристика, по сравнению с другими характеристиками в саге, оригинальна по стилю и содержанию; в ней почти отсутствуют «общие места» саг. Не будем вдаваться в подробный комментарий этого рассказа скандинавско-немецкой саги; отметим только судьбу боярина Кучки, который был убит отцом Андрея Юрием, и у которого было отнято его поместье. Во главе заговора против Андрея стояли родственники Кучки: сын Яким и зять Петр, мстившие за только-что совершенную казнь Якимова брата. «Горожане же Боголюбьские и дворяне разграбиша дом

князь, золото и серебро, порты и паволоки и именье, ему же не бѣ числа» (Лавр. лет.). «И выимаша золото и каменье дорогое и жемчуг и всяко узорочье, и до всего любимого имения, и въскладше на милостьные кони, послаша до света прочь» (Ипат. лет.) И по саге враги-убийцы Озантрикса торопились увезти награбленное имущество конунга: «вскочили на лошадей—не хотят они дальше ждать невыгодной перемены». Хотя летописный рассказ об убийстве Андрея Боголюбского составлен в стиле жития, но и в нем отразились причины недовольства населения князем. Даже Д. И. Иловайский признал это. По его словам, «князь не отличался мягким нравом в отношении к окружающим, а *под старость характер его сделался еще тяжелее и суровее*. Его не любили ни дружинники, ни земские люди. Этот историк, вслед за летописцами, переносит упреки в корыстолюбии с князя на его служилых людей: «его *корыстолюбивые посадники и тиуны умели преследовать свои собственные выгоды, притеснять народ неправдами и поборами*». («История России» Д. И. Иловайского. Ч. II. М. 1880, стр. 214). В Никоновской летописи читаем: «Ненавидяху князя Андрея суще домашнии, и льстиво и лукаво глаголаху к нему... И тако изгна братью свою. Еще же и предних мужей отца своего овех изгна, овех же ем, в темницы затвори». В общем, сага верно передает характер Андрея Боголюбского, правильно отмечая и торговые операции русских князей, которых В. О. Ключевский называл «вооруженными купцами» <sup>1)</sup>.

Все это приводит нас опять к XII веку, к которому относится и создание былины о борьбе Ильи Муромца с сыном.

А. Лященко.

---

<sup>1)</sup> Характеристика Озантрикса в саге о Тидреке и рассказ об его убийстве (гл. 134—146) являются как будто вставкой, потому что далее (в гл. 291 и 292) вновь повествуется о борьбе Озантрикса с Тидреком и Аттилой и о новой его гибели.